
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ВКУС ХЛЕБА

Член Союза писателей России, лауреат литературной премии имени Н. С. Лескова «Левша»

*Александру Владимировичу Беляеву,
его величеству землепашцу и хлеборобу,
моему идейному вдохновителю, посвящаю
этот рассказ...*

Автобус, урча мотором, плавно остановился и, фыркнув, открыл двери.

— Конечная остановка, автовокзал! — объявила кондуктор, и в салоне началась суетливость.

Федор Михайлович Чернов, пятидесяти с лишним лет от роду, небольшого роста и худощавого телосложения, из автобуса выходил последним. Подхватил с пола свой нехитрый скарб — две небольшие хозяйственные сумки и, по своей деревенской простоте и доверчивости, уважительного отношения к людям, склонил перед кондуктором голову.

— Спасибо тебе, хозяйка! — произнес он.

— Это за что же, спасибо-то? — удивилась она.

— За то, что доставила нас в целости и сохранности, — улыбнулся Федор, обнажив желтые от никотина зубы.

— А-а! — отмахнулась от него рукой кондуктор. — Это ты не мне, а водителю «спасибо» говори, это он, а не я автобусом управляла.

— И ему тоже — спасибо огромное, — вновь улыбнулся Федор.

Кондуктор тоже улыбнулась в ответ и с каким-то интересом взглянула на странного, как ей показалось, пассажира.

С последнего приезда Федора Михайловича к дочери прошло больше года, и город за это время заметно изменился. Вокруг здания автовокзала появились новые постройки, в основном это были торговые центры. Территория автовокзала теперь была обнесена витиеватой металлической изгородью, с небольшими, словно деревен-

ские калитки, проходами. При подъезде к автовокзалу был сооружен шлагбаум, который то и дело при каждом въезде и выезде автотранспорта открывал сидевший в небольшой будке охранник. Да и сам автовокзал преобразился. Большие во всю стену окна, из-за которых он был похожим на огромный аквариум, теперь были заложены кирпичом с оставленными вверху небольшими, словно бойницы в крепостной стене, окошками. Вся стена автовокзала была украшена рекламными вывесками, с которых на Федора Михайловича сыпались различные лекарственные препараты, лился Алтайский мед, и смотрела лукавым взглядом, показывая ровные, отдающие сверкающей белизной зубы, державшая в руках тюбик с зубной пастой симпатичная блондинка. Над пластиковыми дверьми у входа в здание автовокзала в стену были вмонтированы электронные часы, цифры которых показывали, что уже наступил полдень. День был теплым, и летнее июльское солнце радужно переливалось своими лучами в безоблачном голубом небе.

Федор Михайлович взглянул на небо и, радуясь погожему деньку, а еще больше от предстоящей встречи с дочерью, зятем и внуками, улыбнулся. У него было прекрасное настроение, которое даже не портило то, что ему после часовой поездки на автобусе очень сильно захотелось покурить. «Перекурю перед дорогой, а потом пойду к своим»,— решил он, доставая из кармана пиджака пачку сигарет и зажигалку. Затем удобно присев на лавочку, на которой пассажиры ожидали автобус, с удовольствием задымил. Федор Михайлович почти уже докурил сигарету и хотел было идти, как вдруг перед ним, словно из-под земли, выросли две фигуры в новенькой темного цвета полицейской форме. Полицейскими были молодой парень лет примерно двадцати пяти с сержантскими лычками на погонах и такая же молодая девушка с погонами младшего лейтенанта в лихо заломленной на затылке пилотке и длинными распущенными по плечам черными волосами. У парня на ремне висела кобура с пистолетом, резиновая дубинка, наручники, баллончик со слезоточивым газом и небольшая переносная радиостанция. Девушка держала в руках папку.

— Гражданин, вы почему курите в неположенном месте? — напустив на себя строгий вид, спросил полицейский, глядя при этом не на Федора Михайловича, а на тлеющий в его руке окуроч.

— Как это — в неположенном месте? — удивился тот.

— Как, как? Обыкновенно, вот как! Около автовокзала курить нельзя!— невпопад ответил полицейский.

— Это почему же? Он что, этот ваш автовокзал, взрывоопасный, если около него курить нельзя?— ухмыльнулся Федор Михайлович.

— Нет, он не взрывоопасный. Просто вблизи автовокзала курить запрещено,— ответил полицейский.

— Есть указ президента, в соответствии с которым запрещено курение в определенных местах. К таким местам относится и автовокзал,— начала доходчиво, с расстановкой каждого слова, громко и внятно объяснять девушка-полицейский.

Федор Михайлович смутился. Он погасил сигарету, хотел было бросить ее в урну, но урны поблизости не оказалось, и он стал держать потухший и скомканный окуроч в руке, боясь в присутствии полицейских бросить его на землю.

— Документики ваши предъявите, пожалуйста,— вежливо, но в то же самое время тоном, не терпящим возражений, потребовал полицейский.

— У меня нет с собой никаких документов,— ответил Федор Михайлович.

— Как это — нет? — удивился полицейский.

— А зачем они мне? Таскать их с собой, пока не потерял где-нибудь? У меня дочь с семьей на Новой улице живет, вот я к ним и приехал.

Сказав это, Федор Михайлович поднялся с лавочки, отбросил незаметно окуроч и подхватил в руки свои сумки.

— Пора мне идти, я тут и присел-то на минутку, перекурить,— проговорил он и засобирався идти, но полицейский преградил ему дорогу.

— А вас, гражданин, никто не отпускал. Пройдемте в здание автовокзала,— потребовал он.

— Это зачем же туда идти?

— Для установления вашей личности.

— А чего ее эту личность устанавливать-то?! Я вам и так скажу, кто я: Чернов Федор Михайлович.

— Раз у вас при себе нет никаких документов, мы будем устанавливать вашу личность. Мы же не знаем, Чернов вы на самом деле или какой-нибудь Белов?!

— А зачем вам понадобилась моя личность?

— Мы будем на вас составлять протокол за курение в неположенном месте,— вступила в разговор девушка-полицейский, указывая при этом тонким длинным пальцем с накрашенным ногтем на свою папку.

— За что?! Что я такого совершил?! Я что, убил кого-нибудь или ограбил?! Или что-то украд?! Я полдня в дороге был, с автобуса на автобус пересаживался, перекурить некогда было, только присел! — начал горячо объяснять полицейским Федор Михайлович. Сложившаяся ситуация ему начинала уже не нравиться, от прекрасного настроения не осталось и следа, вдобавок ко всему, он начинал нервничать.

— Вы, гражданин, успокойтесь, не надо кричать. Вы нарушили закон и за это должны быть наказаны,— вновь заговорила девушка-полицейский.

— Да кто ты такая, чтобы меня наказывать?! У меня дочь постарше тебя будет... нашлась тут! — Федор Михайлович зло смерил девушку взглядом. Он уже не мог сдерживать своих эмоций. Ему вдруг стало очень обидно за себя. За то, что он гражданин своей страны, не совершивший в жизни ничего преступного, вырастивший и воспитавший взрослую дочь, доживший до седин, дед двоих внуков, простой сельский труженик не имеет право выкурить на улице сигарету.

— А вы мне не тычьте, я с вами на «вы» разговариваю,— обиженно поджала губы девушка-полицейский.

— Гражданин, пройдемте, пройдемте,— вновь потребовал полицейский и крепко взял Федора Михайловича за локоть.

— Не трогай меня! — зло прикрикнул на него Федор и силой освободил свою руку.

— Неповиновение оказываете, гражданин? А вы знаете, что за это можете пятнадцать суток получить? — ухмыльнулся полицейский.

— Да ты меня не пугай, я — пуганый уже! — Федора несло все больше и больше.— Товарищи, посмотрите, что делается?! Я из деревни к дочери приехал, а меня ни за что, ни про что, хватают на улице и забирают! — закричал он, обращаясь к стоявшим рядом людям.

— Что вы себе позволяете?! Обнаглели совсем! Вместо того чтобы убийц или террористов ловить, честных людей хватаете! — сверкая на солнце из-под шляпки солнцезащитными очками, вступилась за Федора полная женщина.

«Да они этих террористов сами боятся!», «Что вы его хватаете, для плана что ли?», «Сталинщину устраиваете, сейчас вам не тридцать седьмой год!» — стали раздаваться недовольные голоса.

Видя недовольство и нападки со стороны людей, полицейский снял рацию и вызвал экипаж. Вскоре подъехал серый с синими полосами на борту уазик, из которого вышли еще двое полицейских, один из которых был огромного роста и с погонами прапорщика на широких плечах.

— Во, видали? Как быстро этот верзила приехал простого мужика забирать, а

людей будут убивать, их не дождешься! — все не могла уговорить полная женщина, но полицейские на нее не обращали никакого внимания.

— Так, мужик, ну-ка быстро залез в машину! Будешь сопротивляться, имею право применить силу или спецсредства! — пригрозил «верзила» Федору Михайловичу, указывая при этом на висевшую у него на ремне, резиновую дубинку. Тот покорно влез в машину и спустя четверть часа его завели в дежурную часть полиции.

В дежурке было многолюдно и шумно. Сновали туда-сюда какие-то люди в форменной и гражданской одежде, брали у дежурного или наоборот отдавали ему какие-то документы. Постоянно звонили телефоны и дежурный, прежде чем ответить, требовал от всех соблюдения тишины, но гвалт не прекращался. У стены стояла заплаканная женщина и что-то рассказывала сотруднику, а тот записывал в блокнот. В углу комнаты сидели на небольшом диванчике трое пьяных задержанных парней. Их одежды в некоторых местах были разорваны, грязные и испачканы кровью. Они громко матерились и обзывали полицейских. Один из них встал с диванчика и направился к дежурному, но стоявший рядом с ними и охранявший их полицейский силой усадил его на место.

— Вы заколебали уже! Я в туалет хочу! Сейчас тут нужду справлю! — начал кричать парень.

— Егоров, да заткни ты ему рот! Я из-за него постоянно по телефону ничего не слышу! — вспылил дежурный, обращаясь к охранявшему парней полицейскому, зажимая при этом ладонью мембрану телефонной трубки.

Наконец-то очередь дошла до Федора Михайловича.

— Этого откуда привезли и за что? — спросил он у стоявшего рядом с Федором доставившего его широкоплечего прапорщика.

— С автовокзала, неповиновение наряду оказывал, — ответил тот.

— Ты кто такой? — прикрикнул на Федора Михайловича дежурный. Он буравил его уставшим взглядом серых глаз. Его круглое полноватое лицо с ямочкой на подбородке то ли от того, что он нервничал, то ли от духоты было красным, на большом с залысинами лбу выступили капли пота.

— Я к дочери в гости приехал из деревни и около автовокзала покурил, — ответил Федор Михайлович.

— Судим? — вновь задал вопрос дежурный.

— Никак нет, товарищ капитан, — по военному ответил Федор, обратившись к дежурному по званию. За те пятнадцать минут, что его везли в машине, он уже успел немного успокоиться и взять себя в руки. А сейчас, попав в непривычную для себя сложную обстановку, был растерян. — Никак нет, — вновь повторил он.

— А тогда чего корячишься, раз «никак нет»? Тут без тебя работы хватает. Вон погляди, — капитан указал рукой на задержанных парней, которые продолжали материться, — гражданина ограбили и избили, его сейчас в больницу отвезли. Не подьхай вовремя полиция, наверно, убили бы. А такие, как ты, нам только работать мешают! Отвлекают нас, заставляют экипажи с маршрутов дергать по пустякам! Понимаешь ли ты это или нет?

— Дак, зачем же вы меня сюда привезли, как террориста какого-нибудь, и разбираетесь со мной, раз вам некогда? — неподдельно удивился Федор Михайлович.

— А мы вот сейчас проверим, террорист ты или не террорист? — проговорил сержант полиции, стоявший до этого молча. — Что у тебя там, в сумке-то, не бомба ли? — спросил он и бесцеремонно стал осматривать содержимое сумки, перекладывая в ней все с места на место.

— Корольев, а ну, отставить! — прикрикнул на него капитан. — Да заткните вы им рты, чтобы они не орали! — закричал капитан, переведя свой взгляд на продолжав-

ших шуметь и материться задержанных парней.— Иди, Королев, лучше помоги Егорову этих балбесов уговорить, чем по чужим сумкам лазить!

В этот момент в дежурку зашел невысокого роста, коренастый, лет примерно тридцати пяти, полковник. И по тому, как все полицейские вытянулись перед ним по струнке, а дежурный направился к нему с докладом, Федор Михайлович понял, что это начальник полиции.

— Кто эти шумные господа? — спросил полковник, указывая кивком головы на пьяных парней.

— Это задержанные за ограбление и нанесение побоев, я вам докладывал по телефону. Ждем следователя, он сейчас в больницу выехал к потерпевшему, а потом будет разбираться с этими,— дежурный указал на задержанных парней.

— Так посадите их пока в «обезьянник», что же они здесь расшумелись! — приказал полковник.

— Товарищ полковник, разрешите обратиться? — Федор Михайлович подошел к начальнику.— Разрешите с вами переговорить; меня ни за что забрали. Я из деревни к дочери приехал в гости, закурил около автовокзала, а меня забрали. Разберитесь, товарищ начальник.

— За что задержан гражданин? — спросил полковник у дежурного.

— Курил на автовокзале и оказал неповиновение наряду,— доложил тот.

— Да не так все было, товарищ полковник,— запротестовал Федор Михайлович.— Разрешите с вами поговорить?

— Ну, пойдемте, поговорим,— ответил полковник.— А что у него в сумках, проверяли? — спросил он, увидев в руках у Федора сумки.

— Никак нет, сейчас проверим,— бойко ответил дежурный и принялся проверять содержимое сумок.

— Нет там у меня никакой бомбы, это я гостинцы из деревни внукам везу,— ответил Федор Михайлович, раскрывая перед полицейскими сумки. Краем глаза он успел заметить, как ухмыльнулся сержант Королев, которому капитан чуть ранее запретил проверять Федорову сумку.

В кабинете начальника полиции было прохладно от работающего кондиционера. Кабинет был большим и светлым. Окна были зашторены жалюзи, вдоль окон у стены стояли мягкие стулья. У противоположной стены стояла изготовленная из красного дерева мебельная стенка, в которой кроме книг и посуды красовались различные по своей конфигурации спортивные кубки, были выставлены грамоты спортивного общества «Динамо».

Хозяин кабинета прошел за отполированный рабочий стол с аккуратно разложенными на нем различными документами и уселся в мягкое с высокой спинкой кожаное кресло. За его спиной на стене на фоне российского триколора находился чеканной работы двуглавый орел, а над ним был вывешен большой портрет с изображением президента страны. В углу кабинета была еще одна дверь, за которой, как понял Федор Михайлович, находилась еще одна комната, в которой уединялся ото всех и отдыхал полковник.

— Назовите свою фамилию, имя, отчество, год рождения и адрес вашей регистрации,— потребовал полковник, после того, как предложил Федору присесть на стул. Тот назвал.

Полковник быстро записал сказанное на лист бумаги и снял телефонную трубку.

— Дежурный! Проверьте по адресному: Чернов Федор Михайлович, со слов зарегистрирован в деревне Кукуево, Куракинского района,— распорядился он.— Ну, и за что же вас задержали, уважаемый Федор Михайлович? — вновь задал вопрос полковник, после того, как положил телефонную трубку.

— Да ни за что, — развел руками Федор.

— Как это «ни за что»? Ни за что у нас не задерживают, наверное, вы что-то совершили противоправное, поэтому вас и задержали? — полковник снял с головы форменную фуражку и провел ладонью по голове, приглаживая стоявшие ежиком коротко остриженные волосы. — Ну, так, за что вас задержали? — вновь спросил он, внимательно рассматривая Федора карими глазами.

— Я, товарищ полковник...

— Не надо ко мне обращаться по званию, называйте меня Юрием Николаевичем, — перебил Федора начальник полиции.

— Хорошо, — кивнул тот головой. — Так вот, Юрий Николаевич, я приехал к дочери в гости, вон гостинцы внукам везу, — указал он на оставленные у входа в кабинет сумки, — вышел из автобуса на автостанции и закурил. Ко мне подошли двое милиционеров, или как там теперь вас правильно называть, полицаев...

— Полицейских, — поправил Юрий Николаевич Федора Михайловича.

— Вот я и говорю: подошли двое полицейских, парень с девкой, и забрали меня за то, что закурил.

В это время зазвонил телефон, и Юрий Николаевич снял трубку.

— Так, так, все правильно, не соврал. А за что его доставили к нам? Хорошо, я понял, — полковник положил телефонную трубку. — Вас, Федор Михайлович, доставили сюда не за то, что вы курили...

— А за что же? — удивился тот.

— А за то, что вы не выполнили требование работников полиции, не предъявили им свои документы, отказались проследовать с ними в здание автовокзала. Так было дело, Федор Михайлович?

— Да где же я документы им возьму, если я их с собой не взял.

— Документы нужно всегда иметь при себе.

— Да я уже сколько раз приезжал без документов и ничего, а в этот раз парню этому вашему полицейскому и девке с покрашенными ногтями, наверно, заняться нечем было, к старику решили привязаться. Ее бы в колхоз отправить, коров доить, вот я бы поглядел тогда, как она там ногти бы себе красила, — с негодованием в голосе проговорил Федор Михайлович.

— Вот и правильно, Федор Михайлович. Девку коров доить, а парень этот, как вы его назвали — наш, пусть этих коров стережет в стаде, — улыбнулся Юрий Николаевич. — А кто же преступников ловить будет? Кто вот таких, каких вы сегодня у нас в дежурной части видели, грабителей, ловить будет? Вот у вас вдруг коров ваших украдут, кто их искать станет? Нет, уважаемый Федор Михайлович, здесь я с вами не соглашусь. Каждый должен заниматься своим делом.

— Так вот и пусть своим делом и занимаются — преступников ловят, и нечего к старикам привязываться зазря.

— А вот здесь вы опять не правы. Они выполняли свою работу, выполняли те инструкции, которые от них требует руководство, требует законодатель, требует, в конце концов, государство. А государство — это народ. Народ от них требует, вы, Федор Михайлович, от них требуете, как представитель народа. И они исполняют то, что от них требуется. Они исполнители — солдаты. Вот вы в армии служили?

— А как же, в Германии, в танковых войсках, — ответил Федор Михайлович.

— Вот видите? А попробовали бы вы, приказ командира не выполнить, что тогда с вами было бы? Вот и они исполняют приказы.

— Я понимаю, Юрий Николаевич.

— А если понимаете, зачем же так себя ведете? Ведь вы же не молоды уже, вон голова вся седая у вас. Нет бы молодежи пример какой-нибудь положительный пода-

ли, а вы с ними ссориться начали, ругаться, курили опять же в неположенном месте. А дурной пример — заразителен! Нехорошо все это, уважаемый Федор Михайлович! Со стороны на себя взгляните, стыдно ведь так себя вести!

Федор Михайлович молчал. Ему действительно теперь было стыдно за свое поведение. Он опустил голову и устремил взгляд в пол. «А ведь полковник прав! Трижды прав! Как же это я, старый дурак, в это дерьмо вляпался?! Не нужно было спорить с полицейскими, а выполнять их требование. Вот влепят сейчас, дураку, пятнадцать суток, вот сраму-то будет!» — думал он.

— Что же с вами делать-то будем, Федор Михайлович? — спросил начальник полиции.

— Ну, что же, раз виноват, то наказывайте, — вздохнул Федор. — Опять же и вы, Юрий Николаевич, меня поймите. Я же не знал, что около автостанции курить нельзя. Хотя бы объявление, какое повесили. А то на стене автостанции про таблетки и про мед написано, а про то, что курить нельзя — ни слова! Это же тоже неправильно. Если бы я знал, что курить нельзя, я бы и не курил, но я же не знал!

— Об этом указе, о запрещении курения в определенных местах, писали все газеты, о нем говорили по радио и телевизору.

— Я, Юрий Николаевич, день и ночь в поле работаю, хлеб выращиваю, если я буду телевизор смотреть, то вы здесь, в городе, без хлеба останетесь! А газеты мы уже давно не выписываем, нам денег не хватает, мы и так концы с концами еле-еле сводим! Да и почту нашу того и гляди закроют, за пенсией будем в райцентр за тридцать километров ездить! Да вам, городским, этого не понять! — Федор Михайлович махнул рукой.

— Да, куда уж нам, — полковник усмехнулся. — А что уборочную-то вы уже начали?

— Пока еще нет, но вот со дня на день, начнем. Меня и отпустили-то на один денек, я завтра уже хотел назад возвращаться, я же комбайнер! Хлебороб я! А хлебушек-то уже в полях всю золотится, на уборку просится!

— Тяжело вам в деревне жить приходится, — проговорил Юрий Николаевич. — Пьете опять же много. И самое страшное то, что и женщины от мужчин в этом деле не отстают. Вот недавно родительских прав лишали, тоже деревенские жители. Нормальные с виду люди, сельскохозяйственный техникум в свое время окончили, он по образованию агроном, а она зоотехник. Дом совхоз выделил, детей родили, что еще надо? Казалось бы, живи и радуйся, детей расти, нет же, ударились в пьянство и работу потеряли, и хозяйство свое почти все пропили, а теперь и детей лишили! Неправильно все это, Федор Михайлович, неправильно!

— Да-а, сегодня в деревнях здорово пьют, — огорченно кивнул головой Федор Михайлович. — А что делать? Колхозов нет, у нас Сельский производственный кооператив создали, но в этом СПК работы хватает не всем. В нашем поселке медпункта нет, клуба нет, библиотеки тоже нет, да что там говорить — бани и той нет! Детский сад закрыли, в школе всего-навсего четверо детишек учатся! И самое страшное, что последняя молодежь из села уезжает. Нету молодежи-то, а если молодежи нету, то нету и будущего! Бабы совсем рожать перестали, в райцентре. В Куракино, даже роддом закрыли! Тут вы правильно сказали, что они только водку глушат наравне с мужиками. Как повзбесились нынче бабы! Распустился народец! Ох, и распустился! — покачал головой Федор Михайлович. — Вот вы, Юрий Николаевич, как власть, почему в этом вопросе порядок не наводите?

— А что мы поделать можем? Раньше хоть ЛТП были, а теперь только и можем, что словами увещевать! Вот лишили этих горе родителей родительских прав. И что? Вы думаете, они от этого пить меньше будут? Да ничего подобного, как пили, так и будут пить, пока не помрут от пьянства!

— Да, народ сегодня в деревне вымирает! И не только от пьянства. От жизни такой! Деревни все травой позаросли, трава прет в человеческий рост. Раньше где скашивали, где скотина выедала и вытаптывала, а сейчас, хоть просеки прорубай, а иначе не пройдешь по деревне. Единственная просека в деревнях пролегла — это людская просека. Нету людей в деревнях, словно косой покосило. В каждой деревне три, а то и две последние старухи свой век доживают! Да что там говорить, по всей России сегодня великая и страшная человеческая просека пролегла! — грустно вздохнул Федор Михайлович.— Колхозы восстанавливать надо, без колхозов мы не выживем. Вон сколько сегодня к нам беженцев с Украины от войны бегут. Некоторым и возвращаться уже некуда, разбомбили их дома, живут с детьми в палатках. А зима начнется, как они там в этих палатках зимовать-то будут?! Вот и надо их в наши деревни расселять. Земля в деревнях заброшенная — дичает, ее возрождать надо, новые дома беженцам на этой земле строить, а брошенные и разваливающиеся без хозяев деревенские дома для беженцев восстанавливать. Властям в этом вопросе нужно только инициативу проявить и желание приложить. Вот и вольется опять дух в деревни, оживут они, задышат полной грудью, а там, глядишь, и песни зазвучат. Раньше-то в деревнях как пели! Соберутся по вечерам после работы бабы с мужиками, расстелют скатерть прямо на траве, закуски из домов принесут и песни потом чуть ли не до утра поют. А во время перестройки людям не до песен стало, ушли из деревни песни, а с ними ушел и дух русский, а потом и люди начали уходить, кто в города, а кто в иной мир. Возродится деревня — и колхозы появятся, а с колхозами и Россия крепчать начнет!

Постепенно, по мере разговора Федора Михайловича, у начальника полиции в памяти стали всплывать эпизоды из его жизни. Он, тогда еще не обремененный властью полковник полиции Морозов Юрий Николаевич, а просто Юрка Морозов, родился и вырос в деревне. Родители его были простыми сельскими тружениками. Мама Клавдия Васильевна работала учетчицей, а отец Николай Павлович, как и сидевший сейчас перед ним Федор Михайлович, был трактористом-комбайнером, выращивал и убирал хлеб. Юрка всегда любил эти деревенские посиделки с песнями. Тогда действительно народ пел песни, и песни эти под гармонь лились над протекавшей по деревне речкой до утренней зари. Они, деревенская ребятня, в это время тоже не спали, бегали друг за дружкой, играли в лапту, в выбивалы, в салки и казаков-разбойников, ловили майских жуков. Эти теплые летние вечера и ночи запомнились Юрке самым прекрасным временем из его беззаботного детства. Отец и мама с работы приходили поздно, Юрку воспитывала в основном отцова мама Мария Владимировна. Юрка очень любил свою бабушку Машу, но все же всегда с нетерпением ждал возвращения с работы родителей. Первой всегда приходила мама и сразу же по приходу, начинала заниматься домашним хозяйством. Отец всегда приходил поздно. Из своего раннего детства Юрка помнил, как отец, придя с работы, останавливался у входа в калитку и, присев на корточки, разводил в разные стороны руки, таким образом зазывая к себе сына. И Юрка несся к нему, как говорится, сломя голову, а отец подхватывал его своими сильными, темными от мазута и пропахшими соляжкой руками и подбрасывал вверх. Юрка смеялся от удовольствия и страха, и не было для него тогда в жизни радостнее и счастливее тех мгновений, когда он, словно птица, находился в свободном и плавном парении над землей, когда мог с высоты взглянуть на большого, сильного, смелого и самого главного в своей жизни человека — на своего отца. А когда начиналась уборочная пора, отец сутками пропадал в поле. Уже повзрослевшего Юрку отец однажды взял с собой в поле, где Юрка наравне с другими комбайнерами целые сутки днем и ночью вместе с отцом вертел настоящий штурвал комбайна, убирая с полей урожай. Затем в короткие минуты отдыха и перерыва

на обед отец разводил небольшой костер, брал с поля несколько колосков и обжаривал их на огне. Колоски начинали потрескивать и издавать душистый запах печеного хлеба. Затем отец растирал ладонями колоски, отбрасывал плевела, а жареные семечки протягивал Юрке.

— Попробуй, Юрка, вкус настоящего хлеба,— говорил он.— Ну, чем пахнет?

— Поджаристой корочкой,— не сомневаясь ни секунды, отвечал Юрка. Отец улыбался.

— Нет, Юрка, вкус хлеба пахнет не поджаристой корочкой, а соляжкой, выхлопными газами и пылью, которыми во время уборочной страды дышат комбайнеры. А еще, и это самое главное, он пахнет потом хлебороба. Всегда уважай труд хлебороба, потому, что выращивать хлеб — это самый тяжелый, самый нужный, а значит самый главный труд на земле! Запомни это, сын!

И Юрка запомнил. С той, теперь уже далекой поры, он стал считать людей выращивающих хлеб, самыми главными людьми на земле. И спустя время, отслужив в армии, он вернулся в родную деревню, вернулся к своей земле. Но страна уже была не та, совхозы и колхозы начали разваливаться, срочно создаваемые фермерские хозяйства ситуацию не спасали, и сельские труженики оказались за чертой бедности. Молодежь не захотела испытывать судьбу и в поисках лучшей жизни, подалась из деревень в города. Отработав около года на заводе, Юрка, прочтя объявление о наборе молодых людей, отслуживших в армии, на работу в милицию, решил попробовать свои силы. Привитые с раннего детства такие качества, как уважение к окружающим его людям, целеустремленность и трудолюбие, способствовали Юркиному карьерному росту.

От воспоминаний Юрия Николаевича отвлек телефонный звонок. Выслушав очередную доклад и отдав необходимые распоряжения, он взглянул на не в меру разговорившегося Федора Михайловича и задержал свой взгляд на его жестикулирующих при разговоре руках. Они были сильными, с прожилками на кистях от долгой и тяжелой работы и темными от машинного масла и соляжки. Они были такими же, как и у его отца. Это были руки труженика, руки хлебороба. Полковник Морозов не был сентиментальным человеком, но в этот момент, когда он рассмотрел руки Федора Михайловича, на него вдруг нахлынуло то далекое и детское чувство любви к отцу, вспомнился его наказ о том, что нужно всегда относиться с уважением к людям, выращивающим хлеб. Эти чувства разбудили в Юрии Николаевиче того, молодого, наивного, не опытного в жизни, но счастливого Юрку Морозова. Эти чувства разбудили какую-то необъяснимую сыновнюю любовь к сидевшему напротив него Федору Михайловичу, разбудили уснувшее в нем уважение к простому человеку, человеку-труженику. «Что-то я заматерел в последнее время, ороговел, стал превращаться в какую-то бездушную законоисполнительную машину. За указами, приказами и распоряжениями людей перестал видеть»,— с горечью подумал Юрий Николаевич и снял телефонную трубку.

— Дежурный, зайдите ко мне! — распорядился он.

Увидев это, Федор Михайлович замолчал и насторожился. Он решил, что наболтал много лишнего, и его сейчас отведут в камеру, где запрут вместе с уголовниками.

— На какой улице живут ваши родственники? — неожиданно спросил Юрий Николаевич.

— На Новой, товарищ полковник,— ответил Федор Михайлович, приготовившись к самому худшему.

— Вы им уже успели позвонить и сообщить, что вас задержали?

— Нет, я им не звонил и вас прошу им ничего не сообщать. Я считаю, что не нужно их расстраивать сообщением об этом. Жене моей только сообщите, что поса-

дили меня, а то она все эти пятнадцать суток будет очень сильно волноваться,— попросил Федор Михайлович.

Услышав это, Юрий Николаевич улыбнулся.

— Вот и я считаю, что не нужно родственникам сообщать о том, что с вами приключилось,— сказал он.

Вскоре в кабинет вошел дежурный капитан.

— Товарищ капитан, вверяю вам Федора Михайловича, отвезете его на дежурной машине на Новую улицу, номер дома он вам назовет,— распорядился начальник.

Услышав это, Федор Михайлович вмиг оживился.

— Да не нужно этого... зачем вы... вам и так некогда... если вы меня отпускаете, то я и сам доберусь,— затараторил Федор. Он не ожидал такого поворота событий и впал в смущение.

— Все, Федор Михайлович, отставить разговоры, вас отвезут,— прервал его Юрий Николаевич.— И просьба у меня к вам: в дальнейшем будьте, пожалуйста, осмотрительнее в некоторых житейских вопросах, не попадайте больше в такие неприятные истории, они вас не красят. Желаю вам удачи!

— Спасибо вам, товарищ пол... спасибо вам, Юрий Николаевич,— Федор Михайлович благодарно склонил голову и, взяв свои сумки, вышел из кабинета.

Когда за ним закрылась дверь, дежурный с удивлением взглянул на начальника полиции.

— Юрий Николаевич, ну почему мы его должны отвозить? У нас и так сегодня машина на разрыв. Да кто он такой, этот Федор Михайлович, чтобы мы его на дежурке к родственникам отвозили? — недовольно спросил он.

— Кто он такой, спрашиваете? Он самый главный человек, он — хлебороб! — ответил полковник.

Капитан нерешительно покивал головой и, не поняв сказанное начальником, в растерянности вышел из кабинета. После его ухода, Юрий Николаевич достал мобильный телефон и набрал номер.

— Батя, привет, дорогой! Ну, какие у вас там новости, как мама? Извини, что долго не звонил, с этой моей работой свободного времени совсем не остается. Да ничего у нас не случилось, я просто так звоню, узнать, как вы там живете? Нормально? Ну, и слава Богу! У нас тоже все нормально. Я, батя, что думаю: а не приехать ли нам к вам в гости? Вы по внучке соскучились, а я только обещаю? Да нет, батя, на этот раз точно приедем, даю слово офицера! Давно мы с тобой в баньке не парились и с удочками на речке не сидели. Ну, как, посидим? Конечно до зорьки, что нам с тобой, привыкать, что ли? Помнишь, как в детстве до зорьки рыбу удили? Вот и опять посидим. Только жаль, что все поля хлебные травой позаросли, а то бы мы с тобой, как раньше, развели бы костерок и колоски на нем пожарили, вспомнили бы через столько лет, каков он, этот, настоящий вкус хлеба!

Яков Шафран
(г. Тула)

ЭСТАФЕТА

Член Союза писателей и переводчиков при МГО Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша», член редколлегии и ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег»

Люди испокон веку учились и тренировались, в том числе и физически. Первое — для приобретения профессии и чтобы мастером стать в своем деле — без этого и денег не заработаешь, и для любимого человека ничего из себя представлять не будешь, тем более в наше меркантильное время; второе же — чтобы быть в форме, ну и для особенно настроенных спортивно — побеждать на соревнованиях. Ведь что нужно для счастья? — По многим соцопросам это — материальный достаток, любимый человек и социальный статус как степень полезности обществу (общине, миру, как говорили ранее) и предмет гордости и чести (просьба не путать с гордыней и тщеславием — тщетной славой), который создается не чем иным, как мастерством.

Успех на соревнованиях также рождается из мастерства.

Кстати о соревнованиях. Что может быть лучше физкультуры и спорта для избавления от негативной энергии. А уж для естественной, то бишь мирной нейтрализации коллективной агрессии ничего другого, чем соревнования, современное человечество и не придумало — все же лучше драки, разбоя и тем более войны. И на Руси мы помним палочные бои на льду, взятие снежных крепостей, кулачные бои «сам на сам» и «стенка на стенку», состязания силачей в поднятии тяжестей и толкании бревна, бои на бревне, перетягивание каната (невода), бег на ходулях, взятие городка — потешного укрепления из бревен и веток, а зимой из снега, и, конечно же, лапту и городки (рюхи, чушки).

* * *

Во второй половине и особенно в последней четверти прошлого, еще такого близкого нам века сущим наказанием стала сидячая жизнь — на работе за канцелярским, компьютерным, а вначале — дисплейным, преподавательским, докторским, научным и так далее столом; дома — на диване у телевизора или за компьютером же и в транспорте. То ли раньше — лет сто тому назад — на работу и с нее, родимой, пешочком порой от двух до пяти километров, а то и поболее, да за водицей, да дров напилить и — эх, раззудись, плечо, размахнись, рука! — наколоть, и в печку принести. Вот и захирели люди, застои всякие у них стали случаться. А они, как известно, до добра не доводят.

И стали появляться в городах вначале группы здоровья, а потом и клубы физ-

культурные, для замены канувшей в небытие природной двигательной активности. Первые работали по традиционным, утвержденным инстанциями методикам. А последние — по преимуществу и «в пику» первым на основе нетрадиционных. И между ними, естественно, возникали соревнования — кто, как и что лучше.

Вот и сегодня было одно из них, в День физкультурника, столь почитаемого в народе в то приснопамятное время, а точнее тридцать лет тому назад.

* * *

Погода для этого была самая, что ни на есть, подходящая. Солнцу, видимо, надоело наблюдать вот уже неделю пустующие легкоатлетические дорожки, поле и трибуны стадиона, и оно прикрывлось веками облаков. Все помрачнело от такого невнимания.

Но что это? Из-за облака краешком солнце стало с любопытством поглядывать за происходящее внизу. А там вдруг повеселело все, раскрасилось флагами и флажками, разноцветными и разномастными спортивными одежаниями и, конечно, косметикой на лицах особ женского пола, которые не в силах расстаться с ней, даже на спортивном, то бишь физкультурном состязании.

Солнце еще только чуть-чуть интересовалось сегодняшним событием, поэтому легкая прохлада августовского дня весьма благоприятствовала будущим рекордам членов двух соревнующихся команд, извечных соперников: клуба «Движение для здоровья» и группы здоровья Центрального стадиона.

Состязания включали в себя мужскую и женскую части и смешанные виды. «Сильные» отжимались, подтягивались и поднимали гирию, а «слабые» — прыгали в длину, приседали и крутили хула-хуп. Вместе же, в смешанных составах, им предстояло играть в волейбол и бежать эстафету. В командах бегунов было по двое мужчин и женщин, каждый должен был пробежать свои четыреста метров и передать эстафетную палочку другому.

В команде группы здоровья выделялся рослый, подтянутый и длинноногий супермарафонец Комиссаренко, бегавший, не считая обычных — сорок два километра и сто девяносто метров — марафонов, и стокилометровый, и суточный, и тысячадвухсоткилометровый с краткими отрезками отдыха в течение нескольких дней.

В клубной команде Виктора капитаном был Николай Иванович Овчинников, опытный физкультурник, регулярно бегавший четыре раза в неделю от пяти до двадцати пяти километров, не один раз пробегавший и тридцатикилометровые дистанции и однажды даже традиционный марафон. Он был и неформальным лидером физкультурников клуба. Вокруг него собирались все — и опытные, и начинающие...

К моменту, когда интерес стало проявлять не только солнце, но и любопытные, которых привлекла музыка, раздающаяся из динамиков и флаги с плакатами, закончились отдельные — по половому признаку — виды, а волейбол, как закуска на десерт, должен был проходить в зале в самом конце праздника, началась эстафета.

Проходила она на настоящих спортивных дорожках с искусственным покрытием, вокруг футбольного поля. В каждой команде установили очередность — кто за кем побежит. Первыми, естественно, женщины. Виктору выпало бежать в третьей паре с Комиссаренко.

Было ясно с самого начала — силы у них не равны. У того и ноги длиннее, что делает шаг намного больше, и скорость гораздо выше благодаря более высокой тренированности, и выносливости поболее, одно слово — супермарафонец. Получается, что как бы Виктор ни старался, все равно проиграет. Все будет выглядеть явным поражением. А бежать нужно, куда деваться? «Эх, была, не была!» — сказал он сам себе.

* * *

Но вот пригласили на старт первую пару. Члены команды выстроились друг за дружкой в порядке очередности. Прозвучал выстрел стартового пистолета, и первая пара устремилась вперед по беговой дорожке.

Участники смотрят, а сами разминаются, двигаются — больше для снятия напряжения, — все же волнительны соревнования, да еще командные, особенно моменты перед стартом. Ладно, сам за себя, а тут — за команду!

Первый забег оказался в пользу команды клуба. Силы были равные, но Елена все же обогнала соперницу метра на три. Но вот побежала вторая пара. Тут Наташа была послабее и отстала на финише от соперницы из группы здоровья.

Виктор быстро схватил эстафетную палочку, глядь, а Комиссаренко уже метрах тридцати от него. Ну и ну! Вот это скорость! Что делать? Команда и зрители поддерживают, кричат: «Догони! Давай, давай! Догони!» И Виктор решает. «Что мне Комиссаренко?— думает он на ходу.— Пусть бежит, как хочет. А я буду бежать, как могу, изо всех своих сил и даже больше, выложусь по полной, а там будь что будет!» И побежал — только носки собственных кед мелькают перед глазами, — а на сверхмарафонца и не глядит, — со скоростью, с какой никогда в жизни и не бегал. Бежит, будто вопрос жизни и смерти решается. Вот уже и середина дистанции, на одной линии с Виктором, на противоположной стороне стадиона — старт. Члены команды и зрители руками машут, кричат: что?— не слышит. А он бежит-бежит, на соперника не смотрит — только на внутреннюю кромку дорожки. Собрался с последними силами, дышит широко открытым ртом, в груди горит, горло сухое, кажется, вот-вот трескаться начнет, икры ног стали деревенеть и к бедрам словно по гантели привязали.

«А может, ну его! Какая разница сколько я проиграю — пятьдесят, сто или двести метров?— стало пульсировать в голове.— Все равно ведь проиграю...— Нет, нет, нет!— гулко забило в груди, сильнее, чем прежде.— Я же не один — команда! Девочки старались. И следом побежит Николай Иванович. Нужно бежать для команды, за команду, за наших!»

Вот уже три четверти круга позади. Последний овал обогнул Виктор. Финишная прямая. Комиссаренко передал палочку своему четвертому номеру. Значит, метров на семьдесят обогнал. «Только на семьдесят? Вот это я дал! — воодушевился Виктор и, не помня себя, включил форсаж, хотя и до этого бежал, как говорится, на пределе. Откуда только силы взялись?— И такой спринт задал на финише! Бежит, тянет палочку вперед и, кажется, сам за ней летит. И дорожка, кажется, помогает, старается, подталкивает.

Финиш! Передал эстафету Николаю Ивановичу, и наш закаленный боец и капитан команды рванул по дорожке — только подошвы кроссовок замелькали.

Отдышался немного Виктор, а сам автоматически идет и идет по дорожке вперед, как будто дистанция продолжается. Глядит, а расстояние между бегунами четвертой пары уменьшается — пятьдесят метров... сорок... тридцать! Осталось четверть дорожки преодолеть... финишная прямая. Разница — десять метров... пять. Ленточка уже близко. Николай Иванович рванул, чуть взяв вправо для обгона. Осталось метров тридцать до конца. И соперник, видя, что преимущества уже никакого нет, тоже попытался наддать ходу, но сил у него уже не было никаких. Да и куда ему до закаленного всеми трассами, ветрами да непогодами, морозами да ледяными купаниями бегуна. Силы явно не равны. Вот они уже бегут нога в ногу. Три метра до ленточки, — и Николай Иванович на шаг впереди, на два... Финиш! Победа!!! Зрители взорвались овациями. Вся команда клуба «Движение для здоровья» ликует, обнимают капитана. А он, раздвигая объятия, ищет Виктора. Да вот он, Виктор, рядом, тоже поздравляет.

— Этой победой мы обязаны вот ему! — Овчинников показывает на Виктора.—

Молодец, не сломался, не прогнулся перед таким асом, как Комиссаренко, несмотря на большое преимущество его в спринте. Как он рванул сразу! А ты фактически всего-то метров пятьдесят в итоге уступил,— сказал он, обращаясь непосредственно к Виктору,— и сделал все, что мог, мы видели!

Виктор пожал протянутую ему руку Николая Ивановича, затем притянул к себе девчат эстафетной команды, обнял их одной рукой за худенькие плечи, а второй — капитана:

— Да что я? Это мы, мы победили — команда!

* * *

А чувство удовлетворения, что помог команде, долго не оставляло Виктора. Одно дело — преодоление себя ради себя, что тоже хорошо, но преодоление себя для других — «за други своя» — совсем иное дело. Это еще ценнее!

В тот же день на душе было хорошо и светло. Все шли со стадиона, радуясь и победе, и тому, что распогодилось — в середине неба порассеялись облака, выглянуло солнце, все вокруг засияло, словно радуясь вместе с победителями. Люди пели, шутили, смеялись. Стоял август 1984-го года, полный надежд и совместных свершений.

Рудольф Артамонов
(г. Москва)

ВИЗИТ К БАБУШКЕ

Наш постоянный автор, профессор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

- Завтра поедем к бабушке,— сказал папа.
- Кто это — бабушка?
- Это моя мама,— сказал папа.
- У папы тоже есть мама?
- У каждого есть мама.
- Даже у кошки?
- Даже у собак, кошки и мышки,— сказал папа.
- А где твоя мама живет?
- В деревне.
- Как это?
- Увидишь.

На следующее утро папа и сын отправились в дорогу. Ехать надо было на электричке два часа, потом еще час на автобусе.

Ехали долго, в автобусе мальчик уснул. Проснулся от того, что автобус остановился и все стали выходить.

Они вышли и пошли по улице. Мальчик с любопытством рассматривал дома, совершенно не похожие на дома в городе. На улице гуляли куры. Белая коза была привязана к кольшку и щипала траву. Она посмотрела на них и сказала — бе-е-е. Прошли мимо небольшой красной церкви и подошли к деревянному дому за дощатым забором. На крыльце стояла старая женщина. Взошли на крыльцо.

— Здравствуй, мама. Привез тебе внука.

Старая женщина, как понял мальчик, была мама папы. Она наклонилась к нему и обняла.

- Как зовут тебя, внучок?
- Гоша.
- Это как будет?
- Георгий,— подсказал папа.
- А-а,— сказала бабушка,— по-нашему, Егорий. Егорушка, значит. Входите в дом. Сколько тебе годков будет?
- Пять годов,— сказал мальчик и показал пальчики на руке.

В доме на деревянном крашеном полу лежали узорчатые половики, длинные, от двери во всю комнату до окон. На бревенчатых стенах в рамках висели два портрета в рамках. Молодой человек в черном пиджаке, белой рубашке и жилетке, и женщина, тоже молодая и цветастой кофте и косой, закрученной на голове.

— Это я с отцом твоего папы, Егорием его звали, мужем моим, и я — твоя бабушка.

— А-а,— сказал мальчик.— А это кто? — спросил он, показывая на большую раму, в которой было много фотографий с разными людьми.

— Сродственники. Вот твой папа, молодой. Поскребыш мой.

— Как это?

— Седьмой мой, младшенький. Потому и зовется — поскребыш. Больше уж не рожала... Больше уже не было у меня детей,— быстро добавила бабушка, увидев недоумение на лице внука.

В углу мальчик заметил другие портреты. Некоторые блестели, как золотые. На раме, обрамляющей их, лежало белое вышитое красным узором на концах, свисавших с обеих сторон, полотенце. Горел фонарик, подвешенный на веревочке под портретами.

— А это кто? — продолжал спрашивать мальчик, который никогда не видел портреты в золотой рамке.

— Образа,— сказала бабушка.

— Как это?

— Это для молитвы,— ответила бабушка.

— Пойдемте, поедим, устали и проголодались, поди, с дороги.

В большой комнате о трех окнах посередине стоял большой стол. На скобленных досках стояли два больших глиняных кувшина, а по краям лежали три белые тарелки и железные ложки. В мисках лежали горкой белые куриные яйца, зеленые огурцы и красные большие помидоры.

— Ждала,— сказала бабушка.— Ты, Егорушка, садись слева от меня, а папа справа. А я посередине буду.

— Я не Егорушка. Я Гоша,— сердито сказал мальчик.

— Вот уж, внучок, и осерчал. Не серчай на старую. Это кувшин с квасом. Не такой, как у вас в городе. Настоящей. Сама затевала. А в этом — молоко, парное, с утренней дойки. Помидоры да огурцы с огорода. Картошка тоже своя. Нонешний год все уродилось. То ведро, то дождь, вот и росло, как на дрожжах. Ешьте, дорогие, ешьте. Не гребайте нашей едой. От нее здоровье будет. Вон ваша бабушка, скоро восемьдесят, а сама с огородом и хозяйством управляюсь. Дедушка ваш помер, царство ему небесное,— старая женщина перекрестилась, обратившись к образам,— десять лет как помер. Грыжу вырезали, а он помер. Говорят от наркоза.

Стали есть. Мальчику больше всего понравились белые яйца. Их надо была стукнуть по столу. Квас не понравился. Совсем не похож на фанту. Огурцами можно было забавно хрустеть.

После еды мальчику стало скучно.

У старой женщины было коричневое, все в морщинах лицо и коричневые руки с твердыми ногтями. Она все говорила с папой о каких-то людях, которых мальчик не знал.

— Пап, ты взял ай-фон? Где он?

— В сумке,— сказал папа.— Пойди, посиди на крыльце.

Мальчик вышел.

— Как у тебя дома? Сладились?

— Думал, сын родится, отношения поправятся.

— Ан, нет?

— Да-а,— со вздохом сказал сын.

— Может, второго родить?

— Этот весь на моих руках. А при наших отношениях...
— Только не разводись. У нас в роду никто не разводился, как говорили, слюбится — стерпится...
— Стерпелось бы, если бы любилось.
— Куда смотрел, когда женился? Старших не спрашивал.

Сын не успел ответить. В комнату вбежал мальчик.
— Озяб? — спросила бабушка. — Да, уж сентябрь.
— Пап, посмотри!
Он протянул отцу ай-фон.
— «Лови волну». Круто!
— Круто, — сказал отец, едва взглянув на дисплей.

— Хочешь, бражка у меня есть, — сказала старая женщина. — Отцу твоему дела-ла. Добрая.

Она пошла в другую комнату и через минуту вернулась с большой бутылкой с мутно-белой жидкостью.

Достала из резного деревянного буфета два стакана и поставила на стол.

— И я с тобой выпью.

Мальчик видел, как папа и старая женщина выпили из стаканов и потом взяли по огурцу.

— А мне можно? — спросил мальчик.

— Что ты, касатик, — поспешно сказала старая женщина, — это питье для взрослых. А для тебя я купила у нас в магазине вот это. Не знаю, как называется. Все берут своим детям. Я подумала, дай возьму своему внучонку. — Вынула из буфета и поставила на стол бутылочку с желтой жидкостью.

— Фанта, — сказал мальчик.

Потом папа и старая женщина впили еще. Через некоторое время у нее щеки стали красные и лицо веселое.

— Я, когда выпью, песни всегда шибко играю.

Она встала из-за стола и, поводя, плечами запела.

«Ты военный, ты военный,

Ты военный не простой,

Ты на севере женатый,

А на юге холостой».

— И-е-е-е-х!

И старая женщина с размаху опустилась на стул рядом с папой, обняла его за плечи.

— Не горюй, поскребыш. Смотри, какой у тебя сын. Егорушка ты жалеешь папку?

— Как это? — спросил мальчик.

— Любишь, Егорушка, папу, значит?

— Я Гоша.

— Ну, Бог с тобой, Гоша, так Гоша. Не было у нас в родне таких.

— Меня мама так назвала.

— Ох, уж эта мама, козел ее дери.

— Поедем мы, — сказал папа. — Пора.

— Она осерчает? — спросила старая женщина.

— Нет. В самом деле, пора. Долго ехать. Он устанет.

Простились на крыльце.

Старая женщина три раза поцеловала папу в лицо, а мальчика обняла, прижала к вязаной кофте на груди, потом отстранила от себя и перекрестила.

— Ну, Гоша, так Гоша,— сказала.— Передавай привет своей,— сказала она папе.

Ехали опять на автобусе, потом на электричке.

Дома мама спросила папу:

— Жива еще?

Папа ничего не ответил.

Мальчик, в самом деле, с дороги устал.

Засыпая, он сказал папе, присевшему к нему на край постели:

— Твоя мама русская?

— Русская, как я и ты.

— А на каком языке она говорила?

Ответа папы мальчик не услышал. Он уснул.

Алексей Яшин
(г. Тула)

ДНИ И НОЧИ ТРИСТА ШЕСТОЙ ПАЛАТЫ

♦ «Палата номер шесть» нашего классика, как мы помним с (советских) школьных лет, художественно отобразила *status quo* русского общества тех лет. Институт традиции и преемственности художественных образов, надеемся, позволит нам сравнить «палату» и состояние «палат» нашего времени. Тем более что медицина и словесность современного русского, или, если хотите, российского социума обе находятся в состоянии глубочайшего кризиса... или упадка, если опять хотите.

«А почему именно «палата № 306»?» — спросит склонный к мелочному анализу читатель. Ответим: простое совпадение, но с намеком. Просто недавно довелось хорошо знакомому автору настоящего повествования человеку с недельку полежать в палате с таким ассоциативным номером в обычной больнице обычного областного города рядовой провинции.

Когда знакомый автора рассказывал за гостевым чаем о порядках и нравах условно обобщенной палаты № 306, то ваш покорный слуга испытывал двойственное чувство: внутренней скорби и откровенного хохота. Тем более, что собеседник является отменным юмористом, каковые в наше суконно-чиновное время, к счастью, еще не перевелись.

Как известно, театр начинается с вешалки. Так и отделение больницы, в которое определили моего знакомого, начиналось с того, что принято называть предбанником приемного покоя. — Это где дежурный врач с приданной ему медсестрой осматривают организмы вновь поступающих пациентов и расцеховывают их в нужные палаты для починки или сборки — после травмирования.

В предбаннике длиннокоридорного образца, также, как принято, стоят в ряд широкие диваны-топчаны, где по больничным правилам должны сидеть в ожидании приема и расцеховки больные и привезшие их родственники. Причем, если первые, уже отдавшие себя в руки здравоохранения, по естественной человеческой психологии — «теперь не я, а эскулапы за меня отвечают» — прямо-таки на глазах здоровеют и рассказывают кавказские анекдоты на медицинские темы, то вторые скорбно молчат: расходов-то сколько предстоит! Даже не врачам и персоналу, здравоохранение у нас вроде бесплатное, а на ежедневные приносы допайков к сиротским больничным супчикам и кашкам, опять же лекарства, домашнее долечивание и прочее, прочее. Да и персонал скучает без внимания родственников их пациентов... Тоже ведь люди — человеки!

Давненько, слава те, господи, не определялся наш Андрей Сергеевич в лечебнице, а тут не повезло: в их родном облцентре Тулуповске объявили трехмесячник благоустройства тротуаров с заменой остатков еще советской укладки асфальта на кафельноскопическую выкладку фигурных плиток. Благо, удачно решились два основных вопроса: материал и рабсила. Плитку тысячами погонных метров стал выпускать

новопостроенный заводик купца Филимонова, гласного облдумы и председателя ее комитета по дорогам, а к ним и рабсила подоспела: наемни целый эшелон таджиков по шайтан-арбе в город прибыл.

Как положено, первым делом с помощью японских бульдозеров с навесками-асфальтоломами все тротуары города превратили в глубокие канавы с брустверами-надолбами битого бывшего покрытия по краям... Кстати, подсказка нынешнему незадолго-самостийному гетману: вот такими канавами напрочь можно отгородиться от москалей! Не надо дорогостоящих бетонных стен с колючкой под током поверху. Но жители города понимают: все это временные трудности в их передвижении — для будущего блага цивилизованных плиточных тротуаров. А наш добрый народ доверчив, тем более к временно-постоянным трудностям издавна привычен. Потому, невольно чертыхаясь, за полкилометра обходя канавы и, рискуя всем чем угодно, перепрыгивая их в узких местах, добираясь после службы или торговли к своему дому — к семье, к детишкам.

Как также положено, второй этап — увоз мусора, заравнивание канав и собственно укладка мозаичной плитки — на неопределенное время застопорился. Во-первых, тулуповский губернатор, молодецватый любимец всех женщин города и области, «потерял доверие» и был за смехотворную для его чина взятку всего-то в полсотни миллионов не то что долларов-евро, но рублей (!?) отстранен и направлен в узилище строгого режима. Устроили показательный правез и для губернского бомонда. Купец Филимонов был уличен в постройке плиточного заводика за казенные деньги. Он, понятно, выкрутился, но пока что завод «до выяснения» закрыт и опечатан.

Во-вторых, у мусульман наступил священный месяц рамадан, на время которого таджики забросили выравнивание канав.

Андрей Сергеевич понял серьезность намерений гастарбайтеров в первый же день, точнее — ночь рамадана. Проживал он в квартире на седьмом этаже дома, известного в центральной части города как «тысяча мелочей» — магазин с аналогичным наименованием занимал весь первый этаж здания. Квартира же выходила окнами на очень даже обширный двор, который только потому не подвергали точечной застройке супермаркетами и «торгово-увлекательными» центрами, что место это спускалось достаточно круто. Выравнивать его под нулевой угол строительства — тратить деньги экономичного частного застройщика... Потому пологий этот двор на всякий случай заасфальтировали, а в городском реестре полезных дел назвали детско-юношеской спортивной площадкой. Действительно, зимой детишки катались под горку на санках и лыжах, а летом пацанва тоже под горку барражировала на «роликах» и на тех досках с колесиками, что недавно стали олимпийским видом спорта с американским названием, которое Андрей Сергеевич так и не научился выговаривать. Еще эту доску часто рекламируют по телику: долговязый парень, обычно с фиолетово покрашенными патлами — явный намек на толерантность, одетый в одежду стиля «О'Нил», то есть в долговязые трусы ниже колен и в майку до колен, держит под мышкой эту доску, задирая с этой стороны майку тоже до подмышки...

Но не в ребячьих американских забавах дело. Прослушав в теленовостях сообщение о начале рамадана, Андрей Сергеевич пропустил это, как истовый потомок православных предков и, тем более, как не воинствующий атеист, мимо ушей. Стояли самые светлые в этом году дни, спалось не то чтобы плохо, но как-то неохотно, потому часа в четыре ночи он и проснулся: из-за открытой по причине жаркого времени балконной двери доносилось непонятное жужжание. Захватив сигарету, он вышел на балкон и в бледном полусвете наступающего дня рассмотрел поразившую его картину: весь асфальтовый пологий двор был заполнен неуместными для этого времени суток людьми. Как он по привычке матерого инженера прикинул: не менее двух-трех

сотен, причем каждый упирался коленами в личный белый коврик, ритмически наклонял голову, обращенную лицом в сторону Мекки, и все вместе негромко произносили священные аяты^{*}.

Уже особо и думать не надо — откуда они сюда прибыли: вблизи двора, пониже, располагалось несколько рабочих из техникумовских общежитий, где летом, а то и зимой, проживали миграционные таджики. Первая мысль, пришедшая в голову Андрея Сергеевича, конечно, оказалась на злобу дня: дескать, не скоро тротуарные каналы заровняют!

♦ «Скоро сказка сказывается,— бормотал про себя Андрей Сергеевич, подходя к вечеру после работы к своим «тысячам мелочей»,— да не скоро дело делается»... и, дабы не обходить половину периметра дома, обрытую канавой, запомняв, что ему не физкультурных двадцать лет, соколом решил перелететь канаву — с бруствера на бруствер — в показавшемся ему узком месте.

...Итог полета, как некогда у натовского же сокола Пауэрса над страной Советов, оказался неутешительным. Супруга ахнула при виде вошедшего в квартиру Андрея Сергеевича: располованная летняя рубашка, вымазанные асфальтовыми обломками белые брюки, царапины на лице и руках, всклокоченные волосы на голове, прихрамывающая походка... Причем, на обе ноги. Даже часы наручные разбиты и мобильник, что в заднем кармане брюк находился, тоже дуба дал. И пришел домой с долгом чести: в момент ныряния в канаву денег при себе не имел, поэтому обещал ихнего дома бомжу Василию, что вытаскивал его, оглоушенного, на другой день выставить чекушку.

После ванны по ощущениям организма сообразил, что переломов никаких нет, только шишки и ссадины. Супруга промыла их перекисью водорода, ушибленные места натерла меновазином, а сам Андрей Сергеевич, на законных основаниях приняв в ужин три стопки кизлярского коньяка, засветло лег спать почти что умиротворенный.

Однако наутро проснулся с ощущением разбитости всего тела, ушибы заметно припухли, а поскольку Андрей Сергеевич, как и все практически здоровые люди, то есть не профессиональные больные, страдал мнительностью в части состояния организма, то припомнил известные в народе симптомы сотрясения мозга: легкая тошнота, головокружение... и также показалось, что неприятный комок катается в желудке и двенадцатиперстной кишке, о расположении которой имел самое смутное знание, а свесив ноги с кровати, вроде почувствовал этакое круговое вращение спальни со всей ее утварью. Заодно вспомнил, что при ушибах и царапинах «на природе» следует обязательно делать противостолбнячный укол.

Все это он и изложил на кухне супруге, занятой приготовлением завтрака, заметно ее напугав. По женской привычке и она начала запугивать Андрея Сергеевича. Как опытный инженер, все же не преминул здесь вспомнить известный принцип «обратной связи»... Но когда он не проявил даже аппетита вежливости к затейливо приготовленному завтраку (вчера он допил коньяк из ранее початой бутылки), супруга резюмировала: «Все, звони на работу, собирайся, пойдем в больницу!»

Больница скорой помощи в десяти минутах ходьбы даже для прихрамывающего страдальца — и вот они уже в предбаннике приемного покоя. Поскольку Андрея Сергеевича, а более всего его супругу, особенно беспокоили подозрения насчет предполагаемого головокружения, то и отделение в форме приземистого здания до-революционной постройки они выбрали соответствующее, травматическое.

Приемный доктор был занят с предыдущим страдальцем, но все широкие диваны — топчаны в предбаннике занимали вповалку-вполулежку странные пациенты: в тридцатиградусную жару в неопрятной зимней одежде, дурно пахнущие мочой и

^{*} Коран состоит из глав — сур, а суры из стихов — аятов. Отсюда и духовное звание аятолла — толкователь аятов.

спиртовым перегаром, обросшие и вымученно спящие, часто вскрикивающие во сне и похрапывающие.

— Ишь, бедолаги,— посочувствовала супруга,— небось, в аварию где-нито попали...

— Чтоб они не попали, а совсем со свету белого пропали! — охотно пояснила грузная санитарка, как раз шуршавшая размахренной шваброй возле грязнящих обуток отдохавших, развозя по предбаннику и без того едкий запах проалкоголенной мочи,— каки-таки аварийщики! Бомжи это пьяные, что за ночь менты насобирали и сдали «Скорой помощи» нашего района. Теперича трезвяки отменили, велено по больничкам для очухивания расталдыкивать...

Из дальнейшей беседы, а известно, что робеющие поначалу пациенты охотно, даже нервически охотно общаются с нижним медперсоналом, Андрей Сергеевич воспринял от скучавшей и злобившейся доселе пожилой санитарки ликбез. Закон-то от государственных властей о призрении подобранных на улицах пьяных бомжей и вообще мертвецки перебравших даже приличных граждан по лечебницам скоренько приняли — проголосовали думцы, но на том и остановились. И местные власти никаких разъяснений — пояснений не получили, а потому ни копейки денег больницам на организацию и содержание бомжей в своих бюджетах не предусмотрели. Заодно медиков предупредили строго, но по-отечески: куда хотите делайте, но если хотя бы одного не примите от «скоропомощников», не дай, бог, зимой кого выгоните на мороз, а тот замерзнет?.. — В сельской больничке карьеру продолжите!

—...Вот они и пролеживают диваны тут, всю отделению провоняли. Ночью очухаются — начинают по палатам шататься, закурить, а то и выпить клянчат. Зимой же иные и вовсе приживаются. Весь день дрыхнут, сердобольные старушки из больших им кашки с хлебом больничными приносят. К вечеру уходят, понищенствуют у маркетов всяких, насобирают на бутылку «максимки», зальют глотку и снова дрыхнуть к нам... И попробуй их тронь! Конечно, жалко их, бедолаг, у нас в доме тоже вот одного жена разведенная с тещей выгнали...

Санитарка уже вовсе отставила швабру, готовясь к долгому рассказу, но здесь приемная медсестра выглянула из кабинета, дескать, следующий! Супруга заторопила Андрея Сергеевича, развесившего было уши.

♦ Скучающий от обыденности больничной жизни врач среднестаршего возраста скептически выслушал Андрея Сергеевича — короткий, логически выверенный доклад на инженерной пятиминутке — и пространный комментарий его супруги. Не вставая с места, велел пациенту показать ушибленное место, а в отношении головы — сделать пару-тройку приседаний и нагибаний, затем на минуту стать по стойке «смирно».

Как и положено, от общения с представителями медицины всякие там девичьи нежности навреде тошнот и головокружений напрочь покинули робкого пациента.

— Смажьте *дома* ссадины йодом или зеленкой, предварительно промыв, если вчера не догадались, перекисью водорода. Лена, — вальяжно повернулся он к медсестре с замечательно круглыми коленками, — промассируй затылок... угу, — обменялся он взглядом со своей помощницей, — вот вам справка об обращении к нам, а завтра — к труду!

— Как это к труду, — возмутилась супруга. А вдруг сотрясение мозга? А как без рентгена и томографа? Да он в госпитализации нуждается!

Врач добродушно рассмеялся, отрицательно-отказывающе повертел головой, все протягивая справку:

— Никаких показаний, уважаемая, к госпитализации и инструментальному исследованию у вашего супруга не имеется. Так... ушибы небольшие.

Разошедшаяся супруга начала высказывать все, что думала о современной медицине в общем и врачебной помощи в частности и подробно.

Врач заскучал, медсестра приотворила дверь в коридор-предбанник, готовясь выкликнуть следующего из накопившейся очереди страждущих, но здесь в ту же дверь вошел явно знакомый Андрею Сергеевичу врач, хотя и шапочно, но знакомый: жилец соседнего подъезда их дома. Тот тоже смутно припомнил растерянного пациента, кивнул ему и завел с хозяином кабинета какой-то туманный медицинский разговор вполголоса.

Супруга тоже в лицо знала соседа, потому, когда тот, явно чем-то недовольный в ответе дежурного доктора, чуть повысил голос: «Но меня-то, как заведованием, нужно было поставить в известность!» — то притормозила Андрея Сергеевича, которому сейчас только одного хотелось — забыть о конфузе-позоре и мигом выбежать на волю. Дождавшись же окончания разговора двух медиков и тихо справившись у медсестры об имени-отчестве заведованием, она третью корпуса встала на пути его:

— Борис Семенович...

— А-а, уважаемые соседи! Что случилось, что привело в наше скорбное учреждение? — с легким полупоклоном и в нужной, приличествующей малознакомым соседям ласковой интонации спросил, преимущественно ориентируясь на доминирующую супругу, Борис Семенович.

Понимая, а женщины тонко все понимают в житейско-служебном политесе, что заведующий отделением есть не простой врач, потому человек занятый, супруга уложила всего в два — три десятка слов.

— Ну что ж, по летнему времени койко-места имеются, а здоровье вещь такая, что лучше лишний раз провериться... Так что лежите у нас четыре — пять дней, рентген и томографию вам, не торопясь, сделаем. Как говориться, с чувством, с толком, с расстановкой. И синяки серьезному инженеру не к лицу, а здесь подживут, затянутся. Оформляй, Фокич.— сегодня я двух выписал из триста шестой. А вам, Андрей Сергеевич, скорой поправки — я уже в ипостаси лечащего врача за этим прослежу.

◆ Смешанное женско-мужское отделение встретило супружескую пару прохладцей, понятно, не от отсутствующих в провинциальных медучреждениях кондиционеров, но от дореволюционной аршинной толщины кладки стен и малой этажности здания, окаймленного намного выше протянувшихся к зениту звенящего от летней жары неба тополей и конских каштанов. Время утреннего обхода, потому в длинном коридоре постовая медсестра за своим сложным столом с навесными полками да молодящаяся санитарка лет под пятьдесят, роста «метр с кепкой», со спины смахивающая на неакселерированную шестиклассницу, мелкокурчавая словно обезьянка, весело переругивались с пациентом, торопящимся в туалет перекурить до прихода в его палату врачебного причта:

— Петров! Что на двери-то вашего сортира значится?

— Сама знаешь что.

— Во-во, а ты даже конца обхода дожидаться не можешь, не терпится, да? Вот нарвешься на проверку от главврача — выпрут из больницы, а то и вовсе по новому указу штрафанут!

— Не бойся, у нас контингент, он же электорат, почти дурдомовский, травмированный, так что мы вне закона...

Слышавший дурашливую перебранку Андрей Сергеевич было оробел, но супруга подвела его к медсестре:

— Принимайте в триста шестую.

И положила на стол направление.

— А сами дойдете, коль цифры читать умеете? Три койки свободны — выбирай, как говориться, любую на вкус. На ту, что у стенки между окон, не ложись, сетка с одного края проваливается. Петров вот наемни ночью грохнулся, все отделение перобудил.

— Так сильно стукнулся? — обеспокоилась супруга. — Да нет, матом четверть часа громыхал. Ну, идите, идите, а то обход уже в триста четвертой...

Палата поразила Андрея Сергеевича двойко: в отличие от всеобщей обшарпанности старинного корпуса и всего прочего в здравоохранении, триста шестая сверкала свежеоблицованным ласкового цвета кафелем стенами, свежими же полом и потолком, евроокнами. Огорчительной же оказалась величина и количество кроватей: десять штук, включая изматеренную неистовым курильщиком Петровым.

Поздоровавшись со старожителями, вошедшие выбрали только что освободившуюся угловую под оконную кровать. Поскольку супруга поспешно собрала дома все потребное Андрею Сергеевичу, включая допмаек к больничному едову, то обещала навестить завтра вечером, с чем и удалилась заниматься домашними хозяйственными делами. Она тоже позвонила с утра в свою «контору», как истинный инженер советской закваски Андрей Сергеевич именовал ее место службы в крохотной частнособственнической компашке.

Тут подоспела давешняя санитарка-обезьянка и с приговорками-пословицами, разговаривая одновременно со всеми обитателями палаты, включая молчащих и спящих, перестелила кровать нового постояльца. Она же, уловив любопытствующий по объему палаты взгляд Андрея Сергеевича, охотно пояснила: помещение готовили — ремонтировали под операционную, но в последующий момент таковую решили разместить во флигеле здания. Отсюда и облицовка стен, ремонт пола и потолка, обширность самого десятикроватьного помещения... а также всего две розетки электрические, оставшиеся от доремонтных времен и отсутствие принятых в больницах индивидуальных бра над кроватями, их включателей-выключателей, пультов с вызовом дежурной медсестры. Их заменяли свернутые в кольца провода, выходящие из стеновых отверстий: не успели-таки привести комнату в кондицию до приказа переориентировать планируемую операционную в многоместную палату...

♦ До прихода белохалатников Андрей Сергеевич начерно познакомился, то есть обменялся именами, с обитателями триста шестой. С удовольствием узнал, что все в палате, как ходящие, так и травмированно-лежащие, из числа курильщиков. Лишних вопросов, комментируя давешний диалог Петрова с санитаркой, которую, как тотчас выяснилось, в обиходе отделения зовут Гаврошем, а в их палате Гречанкой, о месте курения в свете новейших думских утеснений любителей травки никотианы, задавать не стал. Более того, между обходом и обедом выяснил: единственный в палате травмированно — лежащий, восемнадцатилетний грузин Ваха, или полностью Вахтанг, обросший за время послеоперационного лежания рыжеватой бородкой а ля нынешний чеченский начальник в Грозном, с полным на то основанием и дружелюбным поощрением обитателей палаты курил свои дорожные сигареты коричневого цвета прямо на своем больничном ложе. Как матерый инженер-изобретатель, Андрей Сергеевич даже восхитился изобретательностью Вахи.

— Пора, однако, и покурить, — с почти неуловимым акцентом сказал Ваха, отложив свой неотрывный планшет и попросив соседа Серегу поставить его на зарядку в тройник у телевизора. Дружелюбно подмигнув новичку, вытащил из-под кровати, как он там называется — домодельный «кальян», то есть двухлитровую картонную коробку с этикеткой виноградного сока, в днище которой вставлена обычная медицинская резиновая клистирная трубка, которую Ваха привычно перекинул через подоконник полуотворенного окна, под которым лежал. После чего закурил, выдыхая дым ароматичной сигареты в питьевое отверстие коробки и время от времени дуя в нее — гнал дым в клистирную трубку.

— Где, Ваха, трубку-то взял? Из дома принесли?

— За-ачем, Сергеич, из дома. Там у меня врачей нет. Гречанка за урок принесла.

Как-то на слово «урок», не гармонирующим с обстановкой, Андрей Сергеевич не прореагировал. Зато отметил, что уносимый Серегой к телевизору планшет — что ни на есть новомодный и сильно дорогуший.

Сам он, как человек старорежимный и мыслящий самостоятельно, ко всем этим гэджикам относился холодно, но, имея взрослых детей, в назначении и стоимости таких придурочьих штуковин примерно разбирался...

Во время обхода Борис Семенович со свитой около кровати Андрея Сергеевича не остановился, только кивнув и прибавив: «С завтрашнего утра обследуем». На Ваху посмотрел одобрительно, дескать, уже сам с ходячей своей каталкой до туалета добираться, так что через пару — тройку дней переходи на свои — двое! Что-то и другим опекаемым необидное сказал. Зато другой лечащий врач палаты, а они все — хирурги, короткий и толстолицый, обругал предоперационного, как и у Вахи с травмой нижней части позвоночника:

— ...Я сколько раз говорил: лежи на спине и ни в коем случае не вставай с постели! Тебя ведь к операции готовят, а ты — как ни выйду в коридор, так обязательно мчишься в сортир, преимущественно, дымить! Перетерпи и пользуйся уткой и судном, когда жена приходит. Доиграешься, и операция не поможет. Останешься инвалидом в молодом возрасте, да и средств государственных сколько напрасно уйдет на операцию?! Дурдом, действительно, а не палата.

Дурдом не дурдом, размышлял Андрей Сергеевич перед обедом, мечтая о горячем больничном супчике, но палата-то великовата для действительно тяжелых, слабыходящих пациентов. Хотя бы все они о своих хворях все не поминали и хохотали на злбу дня и свежие анекдоты. И потом, кровати как-то фигурно расставлены: вдоль одной безоконной длинной стены — паровозиком ложе Андрея Сергеевича, обруганного врачом Олега и два рукомойника ближе к входной двери. А вот вдаль другой, оконный — аж шесть лежбищ перпендикулярно стене. И еще две — опять же паровозиком — посередине комнаты. Самая «центральная» из них, как пояснили охотно Андрею Сергеевичу, постоянно никем не занимается. «Для ночных гостей!» — хохотнул Ваха. На законный же вопрос о ночных гостях все рассмеялись: дождись, мол, Сергеич, ночного часа, сразу просветишься!

...Обед оказался очень даже приличным; все же не голодные девяностые годы. Ваха принципиально больничного не ел, а бородатому Сергею, к которому с воли не приходили, некрасивая, но добрая раздатчица, не спрашивая, уже по устоявшейся привычке, налила по края в большую тарелку самой гущи шей, а в другую положила двойную дозу гречневой каши и два самых больших куса курицы. Хлеба Серега также взял с запасом. Тихо и вежливо поблагодарил за заботу.

◆ Андрей Сергеевич — давний и добрый мой собеседник. Когда-то мы вместе с ним служили по инженерной части в тулуповской «оборонке». Она сейчас доживает скорбные свои дни, но приятель мой ей не изменяет. Как и все инженерá советской закалки, пристрастен к чтению литературы, в основном классики, но я его иногда подзуживаю к знакомству с современными литераторами. Не из «голубосальных» пиарщиков, конечно. Что-то он ругает, а порой и одобряет. Так что он почти безо всякого принуждения и тонких намеков рассказал о днях и ночах триста шестой палаты, как-то разом перешел к аналогии, сравнению больничных нравов и положению в современной словесности. Мысли его, хотя и несколько «непричесанные», представили для меня определенный интерес. Тем более, и пусть на нас вдругорядь всенародно избранные думцы не обижаются, что хорошо заваренный чаек мы с приятелем сопроводили бутылочкой почти неподдельного кизлярского коньяка... Что очень даже побуждает к анализирующей словоохотливости.

Получалось со слов Андрея Сергеевича так, что сейчас врачи и писатели, соот-

ветственно — пациенты и читатели, находятся в одинаковом положении: пишут, борются с недугами и читают с этаким скучноватым энтузиазмом. И никому до всех них дела нет. Разве что господу богу, мудро смотрящему с горних высот на неудобства существования народа, коему выпало тягостное испытание. В который уже раз за век с небольшим?

Если аналогия между болящими и читателями художественной литературы весьма прозрачна — число тех и других, имеются в виду пациенты стационаров, в общей массе населения составляет считанные проценты, то между врачами и писателями эта самая аналогия посложнее. Если у последних удачливые пиарщики в основном сосредоточены в столице, да и число их невелико, то у лечебников возможностей избежать серых, низкооплачиваемых будней в казенных больницах намного больше.

Здесь еще следует первоочередно учитывать, что в девяностые годы каждый провинциальный, уважающий себя университет, как правило, «переквалифицировавшийся» в таковой из технического института, организовал собственный... медицинский факультет! Понятно дело, со ссылкой на отмену обязательного распределения выпускников традиционных мединституты, что привело к врачебному обезлюживанию провинциального же здравоохранения. А подготовка квалифицированного врача невозможна без сложившихся научно-педагогических школ. Все это нынешние пациенты очень даже ощущают на себе.

Вот потому-то большинство нынешних выпускников «от Гигии и Панакии», которыми они клянутся по Гиппократу, а впрочем, и врачи старших поколений, массово ринулись куда угодно, но только не в госбольницы. Благо вариантов личного трудоустройства много: кто в аптечные сети лекарствами торговать, другие — в медчиновники, в частные лечебно — диагностические (с акцентом на последнем слове) лавочки и так далее. Словом, рыба ищет где глубже... Правда, смотря какая рыба; та же камбала, наоборот, выискивает песчаные мели. Понимай, как кому хочется. Кто в лес, кто по дрова... Словом, больная медицина, больная литература, подытожил свое философское рассуждение добрый мой старинный приятель.

Не совсем я понял аналогии Андрея Сергеевича, но согласился: разброд, шатания, всеобщая неуверенность в завтрашнем дне тут и там. А в эту зиму — весну — лето и вовсе тревожно на душе: америкосы со своими, ими же поставленными, киевскими холуями так ловко и всесторонне продуманно Россию подставили, что даже в украинской глубинке люди, заслышав самолетный гул, останавливаются как вкопанные и, приложив ладонь козырьком ко лбу, смотрят вверх, мысленно определяя: куда аэроплан летит: на запад или восток? Власти же наши демонстративно сугубо внутренними делами занимаются: ужесточают винно-табачные законы, толерантность в народе воспитывают и борьбу с экстремизмом... Опять же каждый занят своим делом. Писатель уже и не знает: о чем дозволено сочинять?

◆Послеобеденные догадки и размышления Андрея Сергеевича о грядущих, таинственных ночных событиях в притихшей по поводу полуденного тихого часа палате прервала стремительно вошедшая Гречанка:

— Ваха! Покурил? Планшет зарядил? Давай делом займемся; хватит тебе голых баб на экране рассматривать, так и до онанизма недалеко. Еще с недельку полежишь, встанешь на ноги и будешь днем и ночью своих малолеток пользоваться в натуре!

Ваха добродушно рассмеялся, на локтях поудобнее устроился, полусидя на двух подушках, освободил краешек кровати для санитарки, налил ей стакан сока:

— Пэй, настоящий ежевичный. С Кавказа — не из магазина тухлого.

Оба занялись планшетом, причем гаврошистая санитарка что-то списывала с него с толстую тетрадь, бормоча не по-русски. Ваха скользил указательным пальцем по экрану, переводя кадры.

Проходившая по коридору матерая медсестра Люда заглянула в растворенную дверь:

— Галь! Ты бы хоть для порядка в палате пыль смахнула, а?

— Не до того, Людок, не до того. Ваха через день — другой на ноги встанет, выпишут, а кто мне еще с таким планшетом попадетя? А мой ноутбук дома совсем плохо фурычет...

Андрей Сергеевич, только собравшийся вздремнуть в тишине, обвеваемый теплым ветерком из растворенного *своего* окна, заинтересовался шибко продвинутой в компьютерной грамотности санитаркой, решил пойти покурить, около кровати Вахи остановился ненавязчиво и очень даже поразился увиденному: курчавая четким и разборчивым почерком списывала с планшета... слова и целые фразы на греческом языке. Имея инженерное образование, не мог спутать «альфы» и «омеги» ни с чем другим. Опять же прозвище «Гречанка» санитарки уже знал. Как и Гавроша.

Немало подивившись, но, воспитанно не отвлекая занятых делом людей, Андрей Сергеевич проследовал к выходу из палаты мимо стоявшей у двери тумбы с телевизором, между которой и стеной располагалась крайняя в шестикроватном ряду постель Максима. Сон и к нему не шел, потому поднялся и проследовал за палатным новичком.

Постовая медсестра Лена, такая же матерая, как и Людмила, полудремала в опустевшем коридоре за своим постом, но все же одобрительно прокомментировала:

— У вас, мужиков, хоть совесть имеется, поочередно дымить ходите, а вот бабы... Сейчас разошлись, а давеча в очередь стояли в свой туалет курить, а вчерашние две цыганки, что мужиками своими побиты, и вовсе без конца шмыг да шмыг туда! О-хо-хо, хоть бы ночью поспать дали...

И она о ночи, опять встревожился Андрей Сергеевич.

В предбаннике туалета они с Максимом закурили. Как ни странно, Максим, мужчина в самом начале пятого десятка лет, завел речь о книгах. Видимо, обратил внимание, что после обеда, прилегши, Андрей Сергеевич раскрыл захваченный из дома томик Стефана Цвейга со знаменитыми очерками о Толстом, Достоевском и Ницше. Давно все собирался почитать, да руки не доходили. А ладно изданная под «карманный формат» книжка, купленная еще в девяностые годы, все манила... Вот и доманила; нет худа без добра.

Сам Максим из потомственной военной семьи, окончил милицейский юридический институт, ныне закрытый, но в те же девяностые годы занимавший здание бывшего тулуповского обкома. Поработал адвокатом, что-то не пошло, купил «газель» и занялся подрядными перевозками бакалеи из оптовых баз в магазинчики и лавочки. Намедни попал в аварию, сам отделался сотрясением и ушибами, но весь груз побился — рассыпался.

— Понимаешь, Сергеич, хотя и сам вроде как индивидуальный частник, но хозяин магазина никаких форс-мажоров знать не хочет! Плати, мол, двести тысяч за испорченный товар — и все тут! Я бы заплатил, будь моя вина в аварии, но ведь и гаишники в протоколе прямо указали, что в мою «газель» хрен пьяный на внедорожнике врезался. Выпишусь — в судебную тяжбу влезу, но на принцип пойду!

— Н-да, Максим, потратишь ты нервов, хотя принцип — дело святое. Даже если с пройдохами-торгашами связываться.

— Да ну их всех... Хорошо бы страховки хватило на ремонт в знакомом автосервисе. Слушай, Сергеич, у тебя дома библиотека большая?

— За тысячу книг, наверно, будет. А ты увлекаешься?

— Не то чтобы библиоман, но кое-что целенаправленно собираю. Сам я с Дальнего Востока, отец в погранвойсках служил, так подбираю все книги дальневосточных и восточно-сибирских издательств о тамошних военных событиях: от конфликтов на *КВЖД* двадцатых годов до Победы над Японией. У тебя что-нибудь есть из этого?

— Посмотреть надо. Обменяемся телефонами.

— Конечно, обменяемся. Сейчас мало кому дело есть до книг. Докуривай, пойдем один раритет покажу.

В дверях палаты разминулись с только что обруганным лечащим врачом предоперационным автослесарем Олегом:

— А я вам на смену, пока мой коротконогий в ординаторской торчит.

Максим достал из тумбочки книгу в любительском переплете с машинописным, через копирку, текстом:

— Наши поэты-диссиденты и приравненный к ним Высоцкий. Из конфиската тех лет. Вчера проводывал меня однокашник, сейчас в «Кленовом переулке»^{*} служит, в презент принес.

Андрей Сергеевич прилег. Послеполуденный оконный ветерок приятно освежал. На самую малую громкость работал с утра до вечера не выключаемый телевизор. На фоне легкого похрапывания яростного курильщика Петрова бормотала поддревнегречески ученая санитарка, выписывая с планшета в тетрадь античные тексты. Потянуло в сон. И как пары часов не бывало! Проснулся от голоса раздатчицы: «Больные! На полдник кефир и печенье. Подходи, кто ходит». Соседу Максима бордотому Сереге кефир налила — до краев — в его полулитровую кружку и печенья дала сколько смогла захватить в руку.

♦ К его пробуждению пристенную кровать центрального ряда — «паровозика» уже заняли. На ней сидел парень лет тридцати пяти, всем видом показывая: места очень даже знакомые. Представившись ближнему соседу Андрею Сергеевичу Витеком, подтвердил: да, в третий раз уже здесь. После чего отворил дверцу тумбочки, проделал, нагнувшись, в ней некие манипуляции, что-то в три приема выпил, не разгибаясь, из стакана. Донесся запах разогревшегося до летней температуры пива. Зажевал бутербродом с колбасой.

— ...Вот, Сергеич, уже в третий раз со своей башкой травмированной сейчас со своим добром на завершающую операцию пришел.

Витек указал на упакованный в полиэтилен ящик, водруженный на тумбочку:

— Здесь всякие придамбасы из ортопедической мастерской, будут мою черепушку конопатить. Да-а, главное сейчас выжить...

Надо полагать, Витек сегодня начал принимать еще дома, поэтому, освежившись еще стаканом пива, разохотился для монолога с интеллигентным соседом:

— Я на вторую операцию с этим вот ящиком еще полтора месяца назад явился. Но — конфуз случился из-за моей доверчивости. Уже к операции подготовили, выбрила меня жена под Котовского, и врач днем подошел, говорит: готовься, мол, на завтрашнее утро. Есть ничего нельзя, пить — можно. И ушел. А я все думаю: что пить-то можно? В тумбочке бутылка водки стояла — приятель принес; выпьешь, Витек, когда все образумится. Думаю, помирать если завтра, то хоть с музыкой. Вот за вечер без закуски — врач ведь запретил строго-настрога! — всю бутылку и выпил. Врач ведь не уточнял: что конкретно пить можно. Дескать, что не запрещено, то разрешено. Да утром значенной поллитровкой пивка освежился. Меня и выпихнули тотчас из больнички: иди домой, проспись, подумай хорошенько, а через месяц-другой сызнава к нам...

Затем Витек перешел к своей биографии. После школы работал токарем, даже стал победителем профессионального городского конкурса. Все возмущался, когда цеховое начальство в створе с работягами вынудили уволиться: ты, мол, по две нормы в день зашибаешь, приходится эту самую норму для всех остальных увеличивать, народ ропщет... Пришлось наивному стахановцу податься из-за безденежья в

* Так в Тулуповске народ называет областное фээсбешное управление.

конце девяностых подручным к браткам-крышевикам, а те его, как «шестерку», сдали друзьям-ментам для улучшения их отчетности. Пять лет отсидел, вернулся, женился, снова в работяги определился, да в цеховую аварию попал, головой серьезно пострадал. И здесь подставили; заводское начальство оформило травму как внерабочую, только-то и удалось третью группу пенсионную оформить.

— ...Сейчас никакого шума не переношу, в цеху работать не могу. Хорошо, с лагзака обнаружил у себя способности в резьбе по дереву. Тем и живу. Вот сейчас знакомому богатенькому щучью морду для настенного антуража начал вырезать: он рыбак отчаянный, рыбину как-то здоровенную поймал, захотел ее морду в дереве видеть. Заплатит-то он хорошо заплатит, а дальше что? Хорошо, семья сохранилась — жена и мать, но орут на меня: здоровый мужик, а не работаешь, содержать тебя нам, бабам, приходится! Мне же сейчас — главное выжить, пройти через эту «ремонтную» операцию...

На этом рассказ Витька прервала пришедшая его супруга-учительница, внешне отдаленно напоминавшая моложавую цыганку. И Люда-медсестра, вошедшая в палату с пучком градусников, от которых все постояльцы с презрением отказались, воскликнула:

— А-а, Витек к нам пожаловал, и цыганка твоя примчалась! — Обе дружелюбно поздоровались. Уходя, Люда, обернулась:

— Витек! Если к вечеру не нахлобysteаешься, приходи в процедурную, укол снотворный сделаю. Тебе перед операцией следует две-три ночи хорошо выспаться. И ты, цыганка, его особо не балуй, повторного конфуза врачи не потерпят.

Через пару минут, ставя в тумбочку что-то стеклянное, супруга промолвила то же самое: «Ты уж меня не подведи».

Некоторое время Витек разговаривал с женой вполне мирно, но затем вспылл. «Цыганка» обиделась и ушла. Как догадался Андрей Сергеевич, сосед остался недоволен качеством, то есть крепостью, принесенной «передачки». Витек же, одолжив у Максима мобильник «на пару коротких звонков», стал названивать друзьям-знакомым, завершая разговор одной и той же фразой: «Надеюсь, пузырек спирта-то прихватишь?»

Соседу же пояснил: он вовсе не алкаш, но очень боится за исход операции. Еще он вынул из тумбочки и показал соседу толстый том житий святых.

◆ Начался предужинный посетительский час. Вслед за «цыганкой» уже к Вахе пришла целая делегация его грузинских родственников от мала до велика. Гречанка ретировалась, недовольная прерванным «уроком», достаточно явственно ворчала, для проформы протирая тряпкой подоконник около кровати Андрея Сергеевича:

— ...Забьются, видишь ли. Пока он после операции лежнем лежал на животе, оправлялся в посудины, так никто не приходил поухаживать. Теперь, когда оклемался, лицемеры эти делегациями утром и вечером наваливаются!

— Что поделаешь, Галь,— вежливо поддержал разговор Андрей Сергеевич,— кавказцы народ семейно-компанейский, всегда поддержат в трудную минуту, заботу проявят... хотя и на публику не прочь повоздействовать.

— Вот-вот, повоздействовать. Теперь вот партия за партией к нему до семи вечера станут ходить, а мне домой пора: собака, кошка и кот без жратвы с утра сидят!

— Так иди, конечно.

— Да хотела вечером сегодняшней урок начисто переписать, да не успела на планшете найти перевод всего-навсего одного слова: тала`сса или та`ласса, не знаю как ударение правильно...

— Таласса, Галь, это по-гречески море.

— Да ну-у! Ты, то есть вы, греческий знаете?

— Да нет, просто когда в девяностых полностью «Улисса» Джойса у нас издали, прочитал этот захваленный всем миром роман. А там таласса постоянно повторяет-

ся... чаще даже чем «сопливо-зеленая дублинская бухта». С какой, осмелюсь поинтересоваться, Галя, ты на древнегреческий приналягла? Правда, что ли гречанка по национальности?

— Да нет, из местных, Носковской слободы. Просто зимой этой купила тринадцатитомник Иоанна Златоуста на распродаже закрывающегося книжного магазина в Замостовье. По дешевке. Сейчас пятый том дочитываю...

— На греческом, что ли? — совсем уж изумился Андрей Сергеевич.

— Нет, на русском, но почти на каждой странице ссылка внизу на древнегреческом — и без перевода. Вот и изучаю, чтобы их читать. Смеются надо мною: не поздно ли начала изучать древний язык? А чем поздно, если для нужного дела.

— Вот-вот, Галя, совсем не поздно, тем более что ты девушка еще молодая. Крылов, знаменитый наш писатель, в шестьдесят с гаком лет древнегреческий специально изучил, чтобы басни Эзопа в подлиннике читать!.. и переводить их в своих вариантах на русский язык.

— Ладно, спасибо за талассу. Пошла к своим зверям голодным. С тем и вышла, но через пару минут вернулась, неся в руках подушку:

— Возьмите, Сергеич, а то на одной плохо спится.

Пужинав казенной кашицей «дружба», памятной со времен своих пионерских лагерей, Андрей Сергеевич дополнил ее домашними харчами, с помощью личного кипятильника тайваньского производства сделал чай и, прихлебывая его, продолжил чтение томика о Стефана Цвейга. Усмехнулся горьковато, прочитав фразу в конце очерка Ницше: *«...Но мало того, что никто их не покупает,— даже для экземпляров «от автора» Ницше, поздний Ницше, не находит читателей. Четвертую часть «Заратустры» он печатает на собственный счет всего в сорока экземплярах — и в семидесятимиллионной Германии он находит ровно семь человек, которым он может послать книгу...»*

Это прямо как у нынешних писателей, с двумя-тремя из которых, местных тулуповских, Андрей Сергеевич был знаком: трудятся, бедолаги, иссушая свои головы, по вечерам, ночам и выходным, ибо еще надо отстоять трудовень на работе — себя и семью кормить, издадут на кровные сотню экземпляров книжки и точно знают: хорошо хоть по-советски грамотная супруга пролистает ее! Других читателей он не сыщет.

В палате меж тем Витек слегка повздорил с Максимом: хотя и не жадный человек, но надоел ему травмированный выпрашиванием мобильного; никто не нес ему пузырек спирта... Вот и продолжал обзванивать.

Меж тем ночь приближалась, пугая Андрея Сергеевича своей неопределенностью — со слов старожил палаты.

◆Начало ночи в палате ознаменовалось вполне мирными событиями. Ваха впервые, сползши на животе с кровати, встал на своих двоих без опорной каталки, с минуту постоял, слегка качаясь, и даже сделал пару шагов. Все его поздравили, но упростили больше подвигов не совершать — до утра подождать.

И второе: Витек вернулся из процедурной не солоно хлебавши. Медсестра Люда, попросив дыхнуть, укол ему не сделала, ограничившись снотворной таблеткой.

Наконец, все дружно отказали яростному курильщику Петрову, с утра до вечера «стрелявшего» сигареты. «Поимей совесть,— выразил общее мнение Максим,— не сирота ведь, убеди жену, чтобы приносила!.. Ну и что — стерва! Подумаешь, удивил парень девку своим... Ведь не водку просишь у нее». Петров обиделся, перестал общаться со всеми и пошел просить по другим палатам, включая заселенную цыганками. Поддавали слабо, а от гадалок-цыганок еле вырвался.

Наконец-то утомленное долгим июльским днем солнце упало за горизонт, из растворенных окон повеяло свежим ночным ветерком. В половине двенадцатого заглянула Люда:

— Все, мужики, мы с Ленкой идем спать. Курить по одному, не компашкой, ходите. И телевизор хоть на ночь выключите!

Хотя по приглушенному телевизору шел вечерний советский фильм, Андрей Сергеевич потерял бдительность *primae noctis** и заснул. Но часа через два, уже при выключенном телевизоре, проснулся от крика: «Давай, наливай! (далее нецензурно)...» И голос Вахи, по ночам беседовавшего по скайпу своего знаменитого планшета со знакомыми девушками-полуночницами: «Ну-у, Светик, не стэсняйся, побалууй твоего хорошего мальчика, покажись во всэй красе!»

В свете коридорного ночника из растворенной двери и отблеска экрана Вахиного прибора Андрей Сергеевич рассмотрел: на центральной, «гостевой» кровати лежал мужик с перебинтованной головой и в бессознание сыпал матом, разбавляя его всего двумя цензурными словами: «Давай, наливай!»

Вот оно — началось. Андрей Сергеевич, вообще-то опасавшийся впавших в беспмятство глубоко пьяных людей, да еще контуженных, было забеспокоился. Но здесь вошли Люда с Леной, мастерски привязали новичка медицинскими жгутами руками и ногами к спинкам кровати, всадили умиrotворяющий укол и ушли досыпать. Контуженный замолчал. Молчала и палата, только Ваха тихо упрашивал картинку с планшета не стесняться...

И вновь Андрей Сергеевич заснул и уже без треволнений доспал до общего подъема. Максим с бородатым Сергеем уже щелкали какие-то орешки и смотрели по телевизору утренние сводки с украинского (юго-восточного или юго-западного?) фронта. Освобожденный медсестрой от пут и стащивший с головы повязку ночной гость, явно протрезвевший, интересовался: где он, как сюда попал и, конечно, попросил сигарету. Петрова полка прибыло! После завтрака его, как прописавшегося в палате, переместили на свободную кровать в шестиместном ряду, готовя центральную для следующей ночи, так сказать, *secunda noctis* для Андрея Сергеевича...

♦ Второй день пребывания в отделении прошел для Андрея Сергеевича, что называется, по накатанной: точное повторение предыдущего; с криками и угрозами круглолицего врача на травмированного Олега, не желавшего лежать на животе, но регулярно уходившего в курилку. И Гречанка брала очередной урок у Вахиного планшета. Максим с бородатым Сергеем все щелкали какие-то орешки, которых у бывшего адвоката имелся поместительный мешочек, принесенный женой. Петров лежал молча, ни с кем не разговаривал, но в вечернее посещение его жена и супруга прибывшего в ночи смиловивились и принесли им по пачке самых дешевых сигарет. Олег помирился с навестившей его «цыганкой», что-то выпил, нагнувшись над растворенной тумбочкой, закусывая помидорами и колбасой.

Медсестер Люду и Лену заменили на текущие сутки как две капли воды похожие друг на друга и смененных ими товарок Антонина и Маша.

В связи с этим Андрей Сергеевич, ранее полагавший из давней своей пациентской практики и нынешних сериалов, что все медсестры суть молодые, изящно-стройные блондинки, либо томные шатенки с глазами «с поволокой», что говорит об обольстительно сдерживаемой страсти, сделал вывод: в подразделениях лечебниц костоломно-травматического, хирургического и неврозного характеров и медсестры подстать серьезности заболеваний и специфике континента-электората: среднестаршего возраста, матерые в своей коренастности. Но в то же время склонные к ироническому отношению ко всему и вся, с редким для женщин, тем более медичек, чувством конкретного юмора. Такие в беде не оставят, но и сюсюкать не расположены.

...Главным же героем триста шестой «краснознаменной ордена Буратино», как ее

* Первая ночь (лат.); из средневековой формулы римского права: *Jus primae noctis* — право первой ночи...

именовал бывший адвокат Максим, этого дня стал Ваха: безо всякой опорной каталки, только внимательно глядя под ноги и не сгибая травмированный низ позвоночника, подстраховываемый абсолютно трезвым с утра Витьком, он сходил в туалет на своих двоих: по большой, малой и никотиновой нуждам.

Во вторую ходку подстраховать Ваху вызвался Андрей Сергеевич. За курением в предбаннике туалета грузинский юноша кратко изложил свою биографию: жил в Грузии, на Украине, сейчас в Тулуповске, знает, соответственно, грузинский, мингрельский, слегка — кахетинский и абхазский, русский и украинский языки. Окончил девять классов, занимался дзюдо в шестой тулуповской спортшколе, шел на *КМС**, но перед решающим соревнованием в Кстово загремел вот сюда. Скорее всего, со спортом закончено. «Придется в шахматы податься,— рассмеялся Ваха,— или вплотную заняться спаррингом с девушками!»

— Так ведь любовные утехы требуют физических усилий, как бы на твоём позвоночнике не отразилось? По крайней мере, поначалу, после выписки.

— Нэ, Сергеич, Борис Семенович сказал: первые полгода, а лучше и целый год, ни в коем случае не сидеть. Только стоять — ходить и лежать, вытянув ноги. Лучше всего на животе или на боку. А это, как сам, Сергеич, по боевой молодости помнишь,— самые-то позы в спарринге, ха-ха-ха!

Поведал Ваха — по наводящему вопросу — и историю своей травмы:

— У нас здесь в городе, в неперестроенном ещё старом центре, есть трехэтажный дом. Грузинским окрест зовется. Как бабушка говорит: ещё до революции его построил грузинский купец и заселил земляками. Так и живём: дружно, все праздники любой семьи — всем домом празднуем. А две недели назад отец с Украины по делам приехал да у двоюродной сестры день рождения... Вот, сидя на подоконнике, и выпал с третьего этажа. Обидно, почти трезвый был! Приземлился на ноги и поначалу ничего не почувствовал. Посмеялся с нашими ребятами во дворе, выпили, покурили. Спать лег — все о'кей, а утром проснулся — как гвоздь в поясницу вбили. И меня сюда на «скорой» с сиреной и мигалкой. Врачам, конечно, сказал, что в два часа ночи пошел на крышу антенну телевизионную поправить, поскользнулся...

На обратном пути в палату, заметив единственную в отделении молодую девушку, что, как приметил ранее Андрей Сергеевич, явно скучала, готовясь к выписке и, будучи одетой в шорты, демонстрировала хорошо загорелые ноги, Ваха махнул спутнику рукой — сам, мол, дойду — и вступил в беседу с обольстительницей. Надей ее звали.

♦ К вечеру травмированный Витек серьезно «заложил за галстук» — все же пришел приятель со спиртовым допайком — и заснул без снотворного до утра. Супруга Андрея Сергеевича принесла, не забыв оделить палатных коллег мужа, свежее испеченных мясных пирожков, а Максим задумчиво произнес, что сегодня пятничный уикэнд, время корпоративов, с каковых обычно и привозят сюда самых интересных ночных гостей. Да еще Андрей Сергеевич под пирожки с пылу-жару напился чаю так что спасительный сон вовсе с темнотой на улице не шел. Даже намеков не посылал. Тем более, Максим с Серегой затеяли после полуночи смотреть теледебаты на тему войны Украины с Новороссией.

Поставив Вахе и Петрову процедурные оздоровительные капельницы, Антонина и Маша ушли почивать в сестринскую комнату, горестно кивнув на слова Максима: «Вы, сестрички, особо не засыпайтесь — пятница сегодня!»

В половине первого Максим, пробормотав «Сталина на вас всех нет!», выключил «ящик» и отправился с Серегой покурить на сон грядущий. Еще через четверть часа в заснувшую палату вошла все в тех же шортах девушка, вернее, бывшая таковой до четырнадцати лет, как затем уяснил из ее разговора с Вахой Андрей Сергеевич, Надя

* Кандидат в мастера спорта.

со своим светящимся экраном смартфоном-айфоном, присела на край кровати. Ваха со своим знаменитым планшетом и ночная гостя со своим же гэджиком начали скакать по интернету, перекачивая друг другу картинки из личной жизни.

Поневоле бодрствующий Андрей Сергеевич выслушал много интересного из жизни современной девической молодежи. Невольно порадовался, что дочерей в его потомстве не завелось... Семнадцать только-только исполнилось. Занимается уже год в студии Нелли Мухиной, готовящей для тулуповских частных клубов и приличных ресторанов танцовщиц «на жести», то есть, как понял Андрей Сергеевич, стриптизерш, крутящихся на шестах. С этой самой «жести» она и грохнулась башкой о пол эстрады: «Катка — сука, у которой я отбила парня, на занятии по гимнастике подмазала мой шест кремом. Ничего, выпишусь через пару дней, я ей...» Здесь громко захрапел Петров, Андрей Сергеевич не расслышал, что она с Каткой сотворит. Ваха рассмеялся: «Не слишком жестоко? А если тебя поймают?»

Еще Надя долго расхваливала себя, не очень-то личиком вышедшую да еще и белобрысую: «...Я очень в городе известная, со мной многие знакомятся по инету и на дискотеках. Жаль, еще год у Нельки дробиться на жести, но исполнится восемнадцать — на настоящую эстраду выйду, бабки хорошие потекут от клиентов, куплю такой же вот планшет!»

Все же Андрей Сергеевич под рокот голосов ночной парочки слегка задремал, но ненадолго, менее чем на час. Ваха с Надей хихикали, глядя на экран планшета. Иногда «жестяница» восторженно восклицала: «Ого! Даже голова кружится — не от травмы, все уже зажило. Просто представишь себя на ее месте...»

Петров выдал храповицкого аж на четверть часа, после чего Максим крикнул, проснувшись: «Да повернись ты, так твою растак, на бок!» Снова в тишине ночной палаты по стенам и потолку бегали блики Вахиного планшета — и нескончаемый разговор полупшепотом: «...Знаешь, Ваха, я, конечно не из ботаников, а предрассудками с восьмого класса не страдаю, но... как бы сказать, я не против поддержать с тобой Монику с Клинтоном, как наша Нелька вперемежку с матом говорит, когда злится на нас,— но, понимаешь, сейчас у меня новый парень. Как-то стремно. «Дурра! — не сдержался Ваха,— причем тут парень? Хоть сто парней! Они же не на соседней койке? Ладно, проехали, как хочешь, давай-ка один фильмец посмотрим...»

◆ Не успел Ваха со своей целомудренной ночной подругой прокомментировать забойное начало фильма, как со стороны коридора через настезь растворенную палатную дверь послышался грохот стальных лифтовых ворот и грубый голос мужика — санитара приемного отделения: «Девки! Тоня, Маша! Принимай постояльца. Сказал Фокич: в триста шестую на центровку!»

Сонные медсестры ввели в палату и уложили на кровать веселого, но чрезмерно пьяного гражданина с традиционной повязкой на голове, стащили с него летнюю куртку и уложили, порекомендовав самому снять ботинки. Минут пять в палате слышались только похихикавание Нади и одобрительное хмыканье Вахи. Затем, очухавшись, новоприбывший с грохотом свалился с кровати, но с алкоголизированной живостью встал, рассмеялся:

— А где это я? Карина? — мы еще в Италии?

— В больнице ты,— пояснил Ваха,— с пробитой головой. Лежи, дорогой, покойно, мешаешь.

— Как в больнице? А что, уже американцы нас окружили? Да я и сам наполовину американец...

В скудном освещении через растворенную в коридор дверь Андрей Сергеевич наконец-то рассмотрел «центрового»: молодой, достаточно высокий, несколько полноватый мужик. Действительно, мягкая манера говорить и как-то по-импортному

закругленный кончик умеренно мясистого носа действительно намекали на облик подгулявшего янки.— Если бы не полное отсутствие акцента.

Некоторое время тулуповский янки монологически, ибо сладкая целомудренная парочка перестала обращать на него внимание, остальные спали либо, как Андрей Сергеевич, притворялись таковыми, выяснял, трудновато решая побитой головой задачу со многими неизвестными: почему он в больнице и зачем ему «заштопали мозги» да еще в окружении американских и украинских спецназовцев; кому из соседей по палате он одолжил на время настоящий швейцарский «ролекс», что эта Каринка из Италии к нему на такси не мчится, куда запропастился Юрка, с которым они не успели-таки допить третью бутылку текилы? И так далее. Вошедшей же взглянуть на него сонной Антонине он заявил с прямою свободолюбивого янки: «Мадам! Распорядитесь подать мне сто грамм текилы... только настоящей, не поддельной из Краснодара». На что дородная медсестра сплюнула, одобрительно взглянула на изучающих компьютерную грамоту Ваху с Надей, промолвила: «Спите, больной, а то я закачу в задницу тебе сто грамм успокаивающего!» И ушла досматривать специальные медицинские сны. Ваха же, на миг оторвавшись от планшета, добродушно добавил: «Спи, отдыхай, дорогой. Жаль я сейчас не в спортивной форме, а то бы дружески успокоил тебя без американо-украинского спецназа...»

Меж тем, окончив вопросительный монолог, домодельный янки о чем-то задумался, вдел, как гусар ментик, правую рукув рукав куртки и неуверенно направился к двери, великодушно сказав: «Кто мой «ролекс» найдет — дар-рю!» И вышел. Через минуту из отдаленного конца коридора послышался дробящийся грохот: это как мешок с капустой упадет у нерадивого хозяина в подпол через люк, разорвется по швам, а кочаны побегут наперегонки по цементированному полу...

По пробуждающейся женской доброты Надя оторвалась от планшета и побежала в сестринскую. Сообщив о падении, вернулась к Вахе.

Уже не Антонина, но Маша, незлобно бранясь, ввела в палату янки в гусарском ментике и пригвоздила его к постели, заодно пояснила примолкшей палате, адресуясь вроде как к возмутителю больничного режима: «Какой тебе Юрка? Он же тебя, как мне санитар из приемного говорил, со своей на сносях женой и доставил сюда. Забыл, что с ним праздновали пятый месяц беременности Юркиной жены, а ты грохнулся башкой о текильную бутылку, что сам и свалил со стола на пол! Спи и другим выпасться дай, если совесть имеешь...»

Снова десять минут покоя, но затем, обнаружив в кармане мобильник, включил его и начал названивать: «Карина, милая моя, ты где? А-а, в Италии, в Фиуме*. А меня американцы в плен взяли, срочно садись в такси и через полчаса будь здесь. Я пошел в приемную ждать тебя». И снова неуверенно, но уже целеустремленно вышел в коридор. И опять нерадивый хозяин, у которого руки не из того места растут, уронил в подпол мешок с капустой... На этот раз ни Надя, ни медсестры не обеспокоились. Через четверть часа заблудившийся янки ввалился в палату и рухнул на «центровку».

...Уже Юрке он звонил раза три; после каждого звонка проделывая все тот же поход в коридор в поисках приемного отделения больничного корпуса. С тем же грохотом и возвращением в палату номер триста шесть.

Уже утренняя заря забрезжила за окнами, и Надя ушла к себе отсыпаться. И Ваха задремал, погасив экран планшета, когда герой второй ночи, добро простив всем и всея грехи, еще раз пожелав счастья новому владельцу «ролекса», вышел в коридор в

* Город на севере Италии. «Фиуме спяну взял Д'Аннуцио...» — писал наш пролетарский поэт; Д'Аннуцио — итальянский поэт-футурист, в Первую мировую войну командовал ротой в итальянской армии

очередной раз. Грохот падений все затихал и затихал по удалении его, уже слабо доносился с лестничных маршей и... навсегда затих. Здесь Андрея Сергеевича сморил вымоленный им у высших сил сон.

Наутро, благо расслабляющая больничная суббота, вся триста шестая спала почти до развозки каши и кофейного напитка из полезного для здоровья ячменя с овсом на завтрак. А Гречанка сообщила последние известия: все-таки ночного постояльца забрал до восхода солнца друг Юра: повез опохмеляться текилой и долечиваться в домашнем покое.

Восход вошедшая со вновь гордо отвергнутыми градусниками Антонина добавила: «Ушел все-таки, стервец!» На что Максим заметил: «Ну и хорошо, вам же хлопот меньше. Как говорить, баба, извиняюсь, с возу — кобыле легче!» — «Не скажи, нам аккордно платят за вновь поступающих и первично обработанных пациентов, а раз ночью пришел и тогда же ушел, в журнал отделенческий не записан, то получи, фашист, гранату, распишись за пулемет! Как у нас в госпитале, где по молодости работала, говорили...»

Гречанка продолжила: дескать, хозяин фирмы какой-то; что ж у нас даже предприниматели — бизнесмены такие пьяницы! На что Максим резюмировал: «Слава богу, хоть что-то порядочное, человеческое в них осталось!»

♦ Примерно так же прошли в триста шестой палате уикэндовские суббота и воскресенье. В понедельник после завтрака Олега увезли на операцию, а в обход выписали Петрова, героя первой ночи и Андрея Сергеевича. Первые двое, как представители свободных, алкозависимых профессий, скупно попрощавшись, тотчас ушли. Андрей Сергеевич до часу дня ждал больничный лист.

Привезли на каталке прооперированного Олега, уложили в кровать на живот. Через полчаса он отошел от наркоза, наощупь достал из тумбочки сигареты и зажигалку, закурил, стряхивая пепел в услужливо подставленный на пол обок кровати Витьком стакан.

...Дорассказав, Андрей Сергеевич поблагодарил хозяев за гостеприимство, за чай-сахар и убыл домой.

— Смотри, Сергич, больше через канавы не перепрыгивай,— напутствовал я его.

— А их сейчас спешно таджики зарывают и плитку докладывают. Ураза-байрам с месяцем рамаданом закончились, наступили трудовые будни, так сказать.

...Так в моей памяти остались дни и ночи триста шестой палаты — для будущих литературных ассоциаций. Тоже так сказать.

...Добрый все же наш народ: нищие писатели и ошалевшие от безнаказанности чиновники, чудом сохранившиеся ученые и инженеры, торгаши-предприниматели и измученные «болонским процессом» училки всех родов и полов, героические медики и вмиг ставшие «патриотами» *олигархеры*, разворовавшие 1/6 часть земной суши, несчастные бомжи и счастливые сержанты «службы услуг правопорядка», пьющие и курящие с их антогонистами. Все добрые — русские, хохлы и таджики на заработках, потомки ветхозаветного народа, не уехавшие на историческую родину, настороженные татары и кавказцы, казаки и чеченские воины на баррикадах восставшего Донбасса, отошедшие от мокрых дел бандиты и губернаторы-взяточники. Все, все, все... но только пока они в России живут. Уехав же на ПМЖ, резко меняются. К худшему. Кроме русского человека, да и того искусственно возрожденный атавизм частнособственности отчасти портит.

Николай Макаров
(г. Тула)

СКАЗКИ О ПАРОВОЗИКЕ

ЗНАКОМСТВО

В одной сказочной стране жил Маленький Паровозик. Если Большие Паровозы ездили по большим и широким рельсам, то Маленький Паровозик двигался по маленьким и узким рельсикам.

Большие Паровозы со своими вагонами пронеслись мимо, не замечая никого вокруг.

Ах, как завидовал Маленький Паровозик этим Большим Паровозам. Как ему тоже хотелось мчаться куда-то далеко-далеко. Как хотелось выпускать клубы дыма, похожие на маленькие облака. И не свистеть комариным писком из своего маленького паровозного свисточка, а трубить могучим басом большого паровозного свистка.

Ах, как ему всего этого хотелось...

Но приходилось каждый день: и зимой, и летом, в дождь и в метель вставать рано утром, умываться холодной водой, делать зарядку, есть манную кашу. Да-да, в сказочной стране и Маленькие Паровозики делают утреннюю зарядку и едят манную кашу. А после этого идти и прицеплять такие же маленькие, как и он сам, вагончики и медленно ездить по своим маленьким и узким рельсикам. Катать малышкой и малышек.

А вечером — отцеплять маленькие вагончики, возвращаться домой, чистить свои колесики, ужинать, смотреть вечернюю сказку, умываться теплой водой, не капризничать и ложиться спать.

Чтобы завтра все начать сначала.

ХМУРОЕ УТРО

За окном шел мокрый, противный снег. Солнышко и не думало выглядывать из тяжелых, низко нависших туч и будить Паровозика, как в радостные солнечные дни будило Паровозика своими зайчиками, отражаясь от его блестящих деталей.

Паровозу тоже в это утро не хотелось вставать и идти возить свои вагончики. Да и кому в такое грязное ноябрьское утро взбрдет в голову куда-то ехать, куда-то идти, чем-то заниматься? Разве что, понежиться подольше в постели, попить горячего с клубничным варением чая со сдобной булкой, посмотреть интересные книжки и... И опять — под теплое одеяло досматривать свои паровозиковые сны.

Паровозик так и хотел поступить. Но прежде чем сесть за стол пить свой утренний чай, он — как и все воспитанные дети — почистил зубы, умылся, посмотрел в зеркало и...

На Паровозика из зеркала смотрело Солнышко: маленькое, причесанное, умытое,

такое родное и милое Солнышко, что Паровозик, одним махом проглотив чай с клубничным вареньем и сдобной булкой, быстро оделся, выбежал на улицу, прицепил свои маленькие вагончики. И весело покатыл по своим маленьким рельсикам, несмотря на мокрый, противный снег, вместо Солнышка даря детишкам и взрослым в это ноябрьское грязное утро веселых солнечных зайчиков.

БРОНЕПОЕЗД

В спальне у Паровозика над его кроватью висит в рамке удивительная картина.

По рельсам мчится вроде бы обычный состав из Паровоза и вагонов. Но и Паровоз, и вагоны какие-то странные — все одеты в толстые стальные щиты. На этих щитах — большие Красные Звезды.

Сверху на этот необычный Паровоз и вагоны из самолетов с черными крестами падают бомбы, вокруг рельсов рвутся снаряды. Еще немного и попадут вражеские бомбы и снаряды в необычный состав и разобьют его на мелкие кусочки.

Но не тут-то было. Состав, знай — несется вперед, стреляя из всех своих пушек и пулеметов. Вот — сбит один самолет с черными крестами, подбиты два огромных танка с такими же черными крестами, вражеские солдаты убегают от метких пулеметчиков...

— Это — мой дедушка,— рассказывает всем Паровозик.— Бронепоезд называется.

В Великой Войне, в которой мы победили, мой дедушка тоже участвовал. Он — Победитель. А я — внук Победителя!

КТО ЛУЧШЕ

Как-то раз с Маленьким Паровозиком поспорил Маленький Самолетик.

— Самолетом в любое место на земле можно долететь,— хвастался он.— А Паровозики только по рельсам могут двигаться. Нет рельсов — и Паровозик не поедет. И самолеты намного красивее паровозов с вагонами.

Думаете, наш Маленький Паровозик обиделся, заплакал от такой несправедливости? Да, не везде имеются рельсы. Но сколько грузов, сколько пассажиров может за один рейс перевезти железнодорожный состав. Не то, что самолеты. Он же, Маленький Паровозик, не хвастается этим. Не говорит, что он лучше и красивее всех.

— И не только мы с тобой,— отвечает Маленький Паровозик Маленькому Самолетику, — перевозим пассажиров и грузы: корабли — по морям и рекам, автобусы и машины — по дорогам.

Подумал, подумал Маленький Самолетик, вздохнул и добавил:

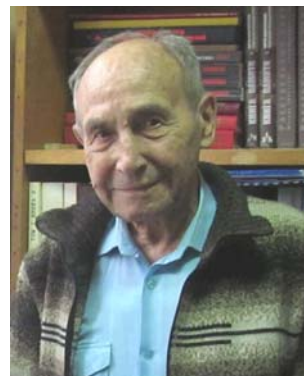
— Да, Маленький Паровозик, ты — прав.

Конечно, Маленький Паровозик был прав. Кто-то красивее, кто-то больше, кто-то сильнее, но все по-своему приносят пользу людям, служат им.

Сергей Норильский
(г. Тула)

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА
(глава из книги)

Сергей Норильский (Сергей Львович Щеглов) — автор более двадцати документально-художественных, историко-краеведческих, литературно-критических, литературоведческих, публицистических книг и брошюр. Составитель и автор текста пяти томов Книги памяти жертв политических репрессий в Тульской области. Член Союза журналистов СССР и России с февраля 1959 г., член Союза российских писателей. Печатается с 1937 г. Лауреат литературной премии имени Льва Толстого. Дважды удостоен журналистской премии имени Глеба Успенского. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и другими, Почетной Грамотой Верховного Совета РСФСР и многими другими. Ветеран Великой Отечественной войны и труда. Один из основателей и с 1990 года бессменный председатель Тульского историко-просветительского, благотворительного и правозащитного общества «Мемориал».

Сергей Львович заканчивает две историко-литературоведческие книги: одну о поэте Владимире Лазареве, другую — о последнем секретаре Льва Толстого Валентине Булгакове. С обоими довелось автору работать, даже в какой-то степени дружить. В обеих книгах будет глава, которую Сергей Львович любезно предложил нашему журналу.

Пятого сентября 1966 года Иван Панькин, назначенный в издательстве редактором моей книги о современных тульских писателях, в том числе о Булгакове, сообщил мне, что Валентин Федорович в больнице и в очень тяжелом состоянии.

В этот же день приехал в Тулу из Москвы Володя Лазарев (он учился тогда на Высших литературных курсах). Зашел, как всегда в редакцию «Коммунара», и я передал ему грустную весть. Володя сказал, что завтра с утра поедет в Ясную навестить родителей.

— Ну вот, навестим и Валентина Федоровича.

На следующий день встретились на автобусной остановке у стадиона «Тульские Лужники». Рядом со входом в глубине небольшой площади перед монументальным зданием областного управления МВД виднелся корпус тюрьмы, тогда еще не скрытый от прохожих и проезжих городского проспекта (позже тюрьму закрыли пятиэтажным домом вахты и администрации).

Володя сообщил мне, что звонил главному врачу яснополянской больницы Чулкову, и тот разрешил на пять минут зайти к Валентину Федоровичу.

Лазарев указал глазами на тюремный замок:

— Таких Екатерина Вторая возвела по всей стране несколько. Валентин Федорович сидел в этом.

— И все эти замки в плане изображали букву Е,— уточнил я.— В одном из них в сибирском Омске четверть века назад мне пришлось почти год сидеть под следствием по обвинению в антисоветской агитации.

— Ну вот,— усмехнулся Володя.— Валентин Федорович сидел при царе Николае, а ты — при царе Иосифе. Булгаков провел в Тульской тюрьме несколько месяцев за антивоенное воззвание: «Опомнитесь, люди-братья!» Он был верен заветам Толстого. Какое мужество надо проявить, чтобы в шовинистическом угаре военного психоза, охватившем огромную страну, да и всю Европу, во весь голос провозгласить миротворческий призыв!

Когда мы приехали в Ясную, отец и мать Володи трудились на огороде.

— Что же нам принести больному? — озаботился я.

— Из еды ничего не надо,— сказала Софья Лазаревна.

— Может, подарить мою новую книжку? Да ведь старику сейчас, поди, не до книжек,— раздумывал Володя.

Сборник стихов «Семь цветов надежды» был только что выпущен в Москве издательством «Молодая гвардия».

— Ну почему же,— возразил Яков Лазаревич и отставил лопату.— Булгаков писатель. Будет в самый раз.

— А что надписать?

Я предложил:

— «Выздоровливайте, дорогой Валентин Федорович! И скорее возвращайтесь к работе, которая нам всем так нужна».

Володя взял сборничек и начал писать.

...Мы не торопясь шли по берегу Большого пруда. Говорили о Валентине Федоровиче, встречах с ним, о его работе в тульской писательской организации, о его книгах.

Стоял один из тех солнечно-золотистых сентябрьских дней, которые так очаровательны в Подмоскowie. Володя то и дело останавливался, любуясь окружающим. Увидел фасонистого желто-красного петуха, высокомерно смотревшего на нас, расхохотался:

— Вот дурак! Недавно мы с Галей Медведевой прогуливались здесь и видели, как мужики воруют яблоки в здешнем совхозе. За поллитра сторожу. Предлагали нам полакомиться... Смотри, смотри! — схватил меня за руку.— Утки тоже наворовали яблок!

Две птицы барахтались у берега в воде и клевали плавающие плоды.

Володя рассказал о тульских писателях Лаврике и Елькине, разрабатывавших волнующую тему «Ружье в подарок Ильичу», о Панькине с его мастером Тычкой.

— До создания писательской организации Елькин, Кольчугин и Юдкевич вместе с Виноградовым стояли у кормила альманаха «Литературная Тула», единственного издания в области, где можно было напечататься.

Володя рассказывал, как в начале своего творческого пути получил письмо от Твардовского из «Нового мира», куда послал несколько стихотворений. «Стихи Ваши еще слабы,— писал автор «Страны Муравии» и «Василия Теркина»,— но можете стать поэтом, если пойдете в жизнь и станете ее перелопачивать».

— Получив это письмо, я всю ночь ходил по Туле и наутро принял решение: вместо того, чтобы подавать документы в педагогический на филфак, куда было нацелился, поступил в механический — учиться на инженера и потом работать в промышленности, тут самая гуща жизни.

Я слушал рассказ и думал о том, что все-таки не стал Лазарев работником промышленности, а посвятил себя поэзии. И не напрасно. Вот в руках у него еще один сборник стихов, и он свидетельствует, что не зря выбрал юноша литературную стезю.

Он успел поведать еще о встрече с Николаем Асеевым, которому тоже послал свои первые стихи. Знаменитый поэт, друг Маяковского, поддержал начинающего стихотворца.

— Я осмелился и заявился на квартиру к Асееву. Дверь открыла женщина и сказала, что у Николая Николаевича плеврит, и он никого не принимает. И тут я услышал этаким хриплым басом: «А кто это там?» И на ответ женщины, что это молодой человек из Тулы, Николай Николаевич вместе со своим плевритом вышел мне навстречу в коридор, провел меня в комнату, усадил на диван, и у нас началась беседа. Сначала о моих стихах. Потом он рассказал о своей юности, как по пути в армию на Дальний Восток прыгнул с поезда и долго бродил по тайге. Он был пацифистом. Оставался пацифистом и после революции. И даже в начале Великой Отечественной написал что-то такое... не в духе времени, и его вызвал секретарь Союза писателей генерал-лейтенант Щербаков, топал сапогами и кричал: «Мы тебя расстреляем!» «Я здорово испугался,— говорил мне Николай Николаевич,— но виду не подал и сказал: «Вы на меня не кричите, я поэт». Было время — Асеева не печатали. Но потом запрет сняли.

Я рассказал Володе, что тоже видел Асеева, но только не так, как он. В конце сорокового — начале сорок первого, когда я учился в Москве в областном пединституте, туда приглашали для встречи со студентами именитых московских литераторов и артистов. Так мы повидали и послушали Алексея Суркова, Николая Асеева, Юрия Крымова и других. Асеев только что напечатал поэму «Маяковский начинается», она была у всех на слуху, и он читал из нее главы в зале нашего института. Я сидел в первых рядах недалеко от него, всматривался в его лицо и вспоминал, как Маяковский, беседуя с Пушкиным, сказал: «Есть у нас Асеев Колька: этот может, хватка у него моя...»

Лазарев продолжал:

— После беседы с Асеевым я отнес стихи в «Литературку», их приняли. А когда я сказал, что Асеев обещал написать им «Доброго пути!», сотрудник пробормотал: «Асеев? Не та фигура!» И осведомился, кто мой руководитель на семинаре в Высших курсах: «Матусовский? Вот его и попросим написать». Так меня и выпустили в свет с напутствием Матусовского.

У поворота к больнице встретился Николай Александрович Милонов, с ним Ирина Евгеньевна Гринева. Они направлялись в дом-музей; показали нам пачку программ Толстовских чтений в пединституте. На обратном пути тоже намеривались навестить Валентина Федоровича.

У входа в корпус больницы нас суровым взглядом осмотрели два покрашенных бронзой льва, разлегшиеся у ступенек. Молоденькая медсестра подала белые халаты.

Валентин Федорович лежал в четырехместной палате на первом этаже. Под простыню вздымался живот, голова утонула в подушке. На щеках был его обычный слабый румянец, но вокруг глаз — землистые круги, каких раньше не было. Лицо осунувшееся, на верхней губе топорщатся белые усы. В слегка приоткрытых губах поблескивают в ряду зубов никелированные вставки.

В ответ на наше приветствие Валентин Федорович повернул к нам взгляд.

— Спасибо. Что у вас нового?

— Сергей Львович только что сдал в Приокское издательство рукопись литературно-критических эссе, среди них на первом месте — о Вас,— счел нужным проинформировать больного Лазарев. Меня это смутило: ну до того ли сейчас Валентину Федоровичу?

В груди у него время от времени слегка посвистывало, руки на одеяле; белопрозрачная плоская правая кисть с большим коричневым пятном на тыльной стороне. Правый глаз открыт лишь на половину, иногда больной ладонью смахивает слезу.

— Вот, не рассчитал,— как бы извиняясь, тихо говорил он.— И ведь предупреждал себя: если хочешь... довести свою работу... до конца,— будь осторожен... Встанешь утром... поди, прогуляйся, а не садись сразу... за работу. Так нет же... не послушался. Да ведь торопился... надо было сдать срочную работу в издательство.

— Успели? — спросил Володя.

— Успел. Но не отправил. Надо еще ошибки... проверить.

— Когда же сюда легли?

— Шестнадцатого августа... Сажу за столом... работаю. И вдруг начинаю... чувствовать, как в левой руке... что-то такое происходит... будто бы по частям что-то... выходит из меня. Попытался двинуть рукой — не двигается. Попытался... встать — левой ноги не чувствую.

— Вы были один?

— Один. Все же... добрался кое-как до окна... выглянул. А там гулял мальчик... мой большой друг. Я его позвал... и попросил, чтобы он послал ко мне... Наталью Ильинишну... это старушка, которая помогала мне... по хозяйству. Ну, потом пришел врач... и сразу же поставил вопрос... о том, чтобы переехать в больницу... Мне это... конечно, мало улыбалось. Ну, а сейчас... что сказать? Стараюсь набираться терпения.

— Что же говорят врачи?

— Говорят по-разному... Один — что может... пойти на поправку... через несколько недель. Другие — через шесть месяцев... Диагноз — не паралич... а парез. Я пытался выяснить... чем отличается... этот парез... от паралича. Оказывается... паралич неизлечим... а при парезе... жизнедеятельность органов... может восстановиться.

Он взял правой рукой левую,— она была как плеть. Приподнял осторожно и опустил.

— А ощущение передается?

— Да. Только двигаться не может... И ведь было у меня... недели за две до этого... Сажу так же... работаю. И вдруг чувствую... пустота в левой руке... Это она мне знак подавала... А я... не прислушался.

— Может быть, кто-то прочитал бы Вам Вашу работу, чтобы проверить ошибки, а потом отослать? — предложил я.

— Не знаю,— слабо отозвался он.— Да и кто станет читать?

— А Ваши дочери?

— Одна в Москве... другая в Новомосковске... Обе заняты... на работе. Не хочется... отвлекать.

(Потом нам сказали, что приезжал к нему брат из Москвы, Вениамин Федорович; приезжали и дочери.)

Порасспрашивали мы еще Валентина Федоровича о его жизни в последнее время: как питался, ходил ли в яснополянское кафе обедать, как раньше, после того, как умерла жена — Анна Владимировна.

— Нет, я уже давно туда не хожу, мне обед приносили. С тех пор перестал ходить... как в сугроб попал. Шел я тогда от музея... в одной руке... портфель... а в другой... в сумке... очень ценная книга... которую я взял в музее на несколько дней... для работы. И так... с высоко поднятой сумкой в руке и портфелем... пытался выбраться из... ямы... очень долго барахтался. Зрелище... наверно, было... довольно любопытное.

Улыбнулся, виновато глядя нам в глаза.

Володя передал ему свою книжицу. Валентин Федорович взял, глянул на нее и спросил:

— А автограф?

Лазарев перевернул страничку и показал надпись.

— Ко мне не так давно... один товарищ из Сибири... приезжал... представьте... за

автографом. Он высказал такую мысль... Если, скажем, книга стоит... рубль, так с автографом... десять. Видимо... он выразил... таким образом... философию тех... кто охотится... за автографами. Только... нашел для этого... такой неподходящий измеритель... рубли. По сути же... книга с автографом... действительно значительно... превосходит ту... что без автографа.

Еще немного поговорили, но чувствовали: время истекло.

— Пойдем, Сережа,— сказал Лазарев.— Мы утомили Вас, Валентин Федорович.

Пожелали мы ему скорейшего выздоровления, выразили уверенность, что на предстоящем юбилее (в ноябре Булгакову исполнилось бы восемьдесят) будем приветствовать его при полном здравии и прежней бодрости. Но каждый из нас ощущал, что надежды на это мало.

В вестибюле ждали своей очереди Милонов и Гринева. Мы передали им халаты, и вышли в парк. Зашли в такой же белый, как больница, дворец культуры дома отдыха «Ясная Поляна». Долго ходили среди лип, кленов, берез, дубов, вязов и тополей; в кронах уже пробивалась желтизна. Володя рассказывал, как обогатил Валентин Федорович его духовный мир, осветил исходящим от него сиянием Толстого. Автор одобренной самим Львом Николаевичем «Христианской этики», несмотря на сложнейшие перипетии своей жизненной судьбы, начиная от общества «Истинная свобода», изгнания из Советского Союза, фашистского пленения и до возвращения на Родину вместе с собранными по всему миру русскими национальными богатствами,— а может быть, именно поэтому — еще больше оставался соратником яснополянского мудреца и проповедника.

Мы продолжили разговор, вернувшись к башенкам, выстояли очередь за двумя кружками пива в кафе. После чего Володя проводил меня до автобусной остановки на Тулу.

То было 6 сентября 1966 года. А 22 числа Валентин Федорович скончался. Московские и тульские писатели вместе с родными и толстоведами хоронили его; я жалел, что не было Лазарева: не удалось ему вырваться из литературной суеты. Но я знал, что сердце его с нами.

Федор Ошевнев
(г. Ростов-на-Дону)

ПЕРВОИСТОЧНИК
(солдатское письмо)

Федор Михайлович Ошевнев — выпускник Московского Литературного института им. А. М. Горького (1990 г.). Двадцать пять календарных лет отдал госслужбе: в армии и милиции. В центральной прессе дебютировал повестью «Да минует вас чаша сия» на тему афганской войны («Литературная учеба», № 4, 1989). Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Жеглов, Шарпов и К°», «Подъем» (Воронеж), «Южная Звезда» (Ставрополь), «Петровский мост» (Липецк). Автор шести книг: двух сборников очерков о сотрудниках Донской милиции, побывавших в «горячих точках», и четырех сборников рассказов и повестей на армейскую и милицмейскую тематики. Награжден медалями «За ратную доблесть», «За отличие в охране общественного порядка» и другими. Майор внутренней службы в отставке. Живет в г. Ростове-на-Дону.

Здорово, дружбан Лохматый!

Привет из далекого края, где за сорок секунд одевают, и в столовую строем везут, и весь день непрерывно... Ну, ты сам понимаешь. Давно хотел черкнуть, но все как-то времени не было, да и не кайф.

Эх, и подфартило тебе с твоим плоскостопием! Считай, на халяву от священного долга отмазался, а тут, блин, в сапогах ноги уже квадратные. И еще мы здесь все, как на зоне, обритые ходим. А одного стригли — у него волосы куда твоих длиннее были, как у Пугачихи, так чуть не ревел, с гривой расставаясь. Старшина еще к нему приколотся: спросил, откуда бикса в роте: неужто с панели?

Но давай все по порядку. Как нас в часть с вокзала пригнали, сразу в головной-ку потащили. Вышли оттуда — вмиг напялили форму. Цирк уехал, а клоуны остались: у кого хебешка по швам трещит, а кто в кителе будто колокольчик, только ремнем подпоясанный. Старшине жаловаться стали — он лыбится, как Параша на базаре, и уверяет, что все ништяк. Тогда некоторые одежкой друг с другом махнулись, и действительно, почти зашибись стало.

Да, Лохматый, армия — это клеймо в мозгах на всю жизнь и единственное место в мире, где молодые мечтают быстрее стать стариками. А еще у нас так базарят: она женского рода и тоже из пацана мужчину делает. Правда, кайфа ты при этом совсем не ловишь. Сам понимаешь...

С другой стороны, я уже шестьдесят два дня здесь оттарабанил и столько узнал — хрен ты на гражданке и за год прояснишь. В основном, конечно, знания проистекают из горького опыта. Вот на второй неделе службы бежал я в чипок, это у нас чайную так зовут, в расшифровке — чрезвычайная интенсивная помощь оголодавшему курсанту. Жаждал малек подзаправиться, а навстречу нелегкая крестного отца,

батяню-комбата вынесла. Чтоб его до ефрейтора опустили! С нежданки и с того, что подполкан от меня слева, я ему левой лапой честь и замастырил. А за мной еще один салага поспешал, так на мой косяк глядя, откозырял тем же макарком.

Батяня аж позеленел, в цвет с формой. Какой, орет, взвод? И на карандаш... В ночь я уже унитазы зубной щеткой до белизны надраивал. Работка на интеллект, сам понимаешь... Взводный гремучей змеей шипел: если, значит, на словах не дошло, какую клешню к хлеборезке тянуть, дойдет через руки и после отбоя. Тяжко, не кайф...

Теперь — про наш скотский распорядок дня.

Будят — полнейший беспредел — в шесть утра. На подъем всегда в казарму кто-то из офицеров роты припирается (во сколько ж гансы-золотопогонники встают: до части-то еще добраться надо, а некоторые живут у черта на куличках). Эдакая неуставная должность, которую взводные, ротный и замполит каждодневно промеж собой разыгрывают, у них называется ответственный. Появится, значит, такой безответственный ответственный с ранья, спрячется в канцелярии, чтоб беспорядки в распоряге — расположении казармы — на взгляд не давили... А самый здоровенный сержант, кликуха у него Шифоньер, орет, как через матюгальник: «Рррота, подъем! Одежда на спинки кроватей! Через две минуты никого в казарме не вижу! Время пошло!»

Сразу начинается танец белых лебедей и шум, будто в кино комедию оборвали, а света ек. Нет, у нас-то он горит и в этом зоопарке уясняется, что у одного бойца ночью портосы ноги сделали, второй — вездеход на конечность пялит, а тот — накость, выкуси: пока дрых, подменили. Кто-то хебешку на ночь в сушилку заткнул, так, видать, от высокой температуры испарилась, и терпила в нательной порнухе суетится бестолково. Глядь — какой-то рядовой на скользком, словно каток, полу — всю ночь дневальные в поте лица впиливали, мастикой натирали — оскользнулся и звезданулся. Через него по взлетке, это центральный проход в спальном помещении, еще двое летят, а через них еще пяток. Со стороны кайфово наблюдать, сам понимаешь...

Но время тоже летит, а на входных дверях казармы пробка. Человек десять судорожно пихают троих, которые намертво проем закупорили. Тут сзади Шифоньер подбегает, а за ним и другие сержанты-замки: Питон, Утюг и Вурдалак. Ка-ак рявкнут хором многоэтажно, и за пять секунд полроты птицами наружу вылетают.

На улице морозяка — без потомства остаться можно. Потому все сразу норовят в сортир забиться. Его еще долиной семи озер обзывают. Он у нас клевый, с паровым отоплением. Хотя чем внутри ароматизирует — сам понимаешь. Зато сержантами там и не пахнет: они наверху в роте оправляются, а нам в тот гальюн вход строго воспрещен. Только недавно в нашем родном облегчительном заведении какая-то подлая сука кошмар сотворила: замыкание. Потому над озерами с неделю по утранке такая темень стояла — запросто по ошибке можно было чужую ж... вытереть. Зато сейчас полный кайф: кто вездеходы ваксит, кто просто кемарит стоя, а кто зажмуркой пуговицы на ширинке шарит. Самые же удачливые кабинки позахватывали, личинки откладывают. Глянешь сверху, через дверку, — угнезвился такой счастливчик на очке, как горный орел на вершине Кавказа. Вылупил сонные красные глазищи — красные, поскоку пол в кабинках на палец толщины хлоркой усыпан, будто метель снега намела, — а в зубах сигарку зажал: курят-то почти все, ведь ср...ные без куренья — что чай без варенья; дыму, словно на пожаре, и — балдеет. Наверняка гражданку вспоминает. От хлорки из вытарашенных моргал слезы ручьями, со стороны же можно подумать — рыдает он от великого счастья.

Тут с улицы противный голос Питона или Вурдалака доносится: на зарядку кликает. Твою в гробину мать! Ежедневная казнь на рассвете. Опять кросс на три километра, по холодрыге, запузыривай. Называется: никто не хотел умирать... И я тоже, хотя в самый первый раз реально чуть не сдох, под конец под руки волокли.

Зато теперь дышалка уже в норме: вон, в карнавальную ночь по тревоге маршбросочек как дал, да с полной выкладкой...

Между нами, девочками, это еще полбеды. А три четверти ее — бег в противогазе: земля в иллюминаторе. Если же еще и ОЗК, доспехи Бога, натянуть... полный пещ: живые и мертвые.

Хорошо, до армии портосы мотать сподобился научиться, а то у нас некоторые умники на политподготовке не хуже академиков заворачивают, ноги же завернуть — ни хрена. Ну и в первые же дни — ступням триндец. Ладно, пусть я пару по уставам схлопотал и ночью обязанности часового зазубривал — там их полстраницы, так все наизусть, без запинки выдавать надо. Но банан, он у взводного в тетрадке, а водяные мозоли у академиков на собственных лапах.

Однако все одно, Лохматый, тут и со здоровыми ходулями как прикинешь, что ты еще последнюю серию сна досматриваешь, а мы уж давно шуршим со страшной силой... Тяжко! Не кайф!

После зарядки топаешь с мыльно-рыльными принадлежностями к умывальной. А там уже целая толпа перед дверью движения наводит: дневальный к кранам не допускает, и все матеряется: опять канализация забила. Толкнешься в другую рыломойку — та же песня на тот же мотив. Такая личная гигиена до скольких раз была, а позавчера народ восстал, ко мне Мухтара — даром что со штык-ножом — в угол снес, и все поумывались. Конечно, потом наряд по роте бассейн тазиками вычерпывал... Ну, на то он и наряд на тумбе, чтоб служба медом не казалась. Только это один раз бунт назрел, а так — плюнешь на водные процедуры и тащишься с немойтой харей койку заправлять. Да не абы как, а чтоб обернутый одеялом матрас кирпичом, с кантиками наведенными и без единой складочки смотрелся, а ватная подушка — ни пуха ни пера — пышно взбита, и уголки у нее расправлены.

Потом у нас по распорядку утренний осмотр. Его всегда старшина проводит. Глазки у прапорщика узкие, щелочками, но только глянет — сразу съежишься. Он тебя еще и «кругом» не повернул, а на весь плац орет: «Поцему каблуки у сапог плохо почистил? Объявляю наряд вне оцеледи на службу!»

Сундук был первым, кого мы в части увидели. Пригнали нас с вокзала, построили на плацу — это главное место Имения, глядь — нарисовался старшина: брюхан такой, что впору перед собой на тачке катать. Следом каптерщик плащ-палатку тянет. Распялил ее перед нами, прапор же речь толкает и картавит, как дедуска Ленин:

— А сейчас вы, товалисси плизывнички, вынете все из весевых меськов и слозите на эту пласц-палатку. Оставлять только носовые платки, кулительные, письменные и туалетные плинадлезности. Каптелссик! Вплелд!

Начал нас каптерщик шмонать. Много всего нареквизировал — на плащ-палатке целая гора вкуснятины образовалась, чего в поезде не дожрали. Там же кружки, ложки и прочая дребедень. У одного даже учебник философии отыскался. Старшина его усек, хватъ книжку и вопрошает:

— Это сто ессе за уценыи выискался? Залубите на носу: в алмии на все пло все читают только «Обсцевоинские уставы».

Швырь учебник в урну и давай вдоль строя прохаживаться. Мой сосед здоровый кусок копченого сала заначил: надеялся на первом солдатском обеде дохватать, не все ж прапорщику-буржуину... Однако тот сальцо доглядел и сразу к хитромудрому парнише:

— Это сто ессе у тебя? Хм... Сало! И по виду влоде бы неплохое! А вдлуг отлависся, а мне отвечать? Ну-ка, ну-ка, дай-ка его сюда!.. Каптелссик! На пласц-палатку, живо!

Идет прапорщик дальше, видит — у одного мыло импортное в красивой обертке на вещмешке лежит.

— Это сто ессе у тебя? Мыло? Уй, какое интелесное! Ну-ка, ну-ка, дай-ка его сюда! Хозяин банной принадлежности засуетился:

— Товарищ прапорщик! А чем же я мыться буду?

Старшина поморщился и с оскоминой:

— Ну, ты любого достанешь! Каптелсик! Выдай ему кусочек солдатского!

Р-раз — и мыло тоже реквизирует в свою пользу.

Вообще про нашего Сундука, за его руки прилипчивые, в части даже анекдот сложили. Мол, в один прекрасный день откроют дверь в каптерку — а ее... Таинственное исчезновение. Содержимого, стен и даже фундамента. Потому как старшина все гамузом скоммуниздил, запаковал, как большую посылку, и малой скоростью в Челябинск отослал. Почему туда? А дедуска Ленин раньше там служил, хаты своей здесь пока нет, вот семья на Урале и бедствует. Подкармливать надо, сам понимаешь...

Самая же хохма с этой пласц-палаткой — это что старшина, уходя в тот раз, как нас в чистилище сводил и передел, провафлил на ночь каптерку на ключ запереть. Опечатать опечатал, а не закрыл. Ну, сержант Утюг мигом унюхал, в чем выгода. Среди ночи банда стариков печать пластилиновую подрезала, да быстренько всю путную жратву и сточила. Хвалились потом, что для заподляны, поверх колбасных шкурок, огрызков и банок пустых, черствый пирожок, ножом в форме члена обструганый, стоймя воткнули. Прапор как чуял: с подъема уже на службу примчался. Отворяет дверь в свой остров сокровищ да как взвояет:

— Оглабили!!!

Полный кайф...

Ладно, это я отвлекся. После утреннего осмотра у нас есть минут пятнадцать отдыха, пока не скомандуют строиться на прием пищи — то бишь на завтрак. Уж тогда любой легит в строй без всяких понуканий, мыслями гадая, что сегодня на похавать дадут. Хорошо бы — кашу гречневую, а то ведь чаще перловку-шрапнель, или ячневую кирзуху. Столовая, это ведь храм пресыщения для дедушек и обитель воздержания для нас, салабонов... И тут неизвестная подлюка в строю чесаться начинает. А кто-то из скотов-сержантов сразу орет:

— В курилку бегом... марш!

А через десять секунд:

— Строиться!

Да так разика три-четыре... Тогда над плацем стоит сплошной многоголосый мат в адрес мучителя. Какой уж тут кайф — сам понимаешь...

Настоящий кайф начинается уже за столами. Каждый ломится усесться с ходу, гвалт, будто на базаре. Где-то не на своем месте оказывается халявщик, целящийся забакланить чужую пайку, и его резко футболят с лавки; кто-то за хлебом потянулся без команды, и тот же Питон его черпаком, по руке, от души: щелк! И для порядка разика три-четыре командует:

— Сесть!.. Встать!.. Сесть!.. Встать!..

А довольный, как три сытых кота вместе, старшина стоит рядом. Предвкушает, как ему сейчас другой прапор, который по столовой дежурит, громадную миску с мясом организует из солдатского котла. Заедает мяско дедуска Ленин горбушкой хлеба, на которую сразу две шайбы масла намазывает, да еще третью в чай себе бросает... Тем временем раздатчик пищи из бачка-лагуна всех отоваривать начинает. Себе — последнему, чтоб, если лажанется, без хавки сам потом и сидел. Тогда в столовке становится относительно тихо, только иной от наслаждения чавкает.

Недавно нас один узбек на завтраке удивил. Он в армию пришел, в русском ни бельмеса не рубя. В ихнем кишлаке русский на узбекском преподавали. Это мне другой чурбан прояснил, который у наших братьев Варшавского Договора вместо пере-

водчика. Так вот, тот брат, который по-нашему ни бум-бум, увидел, что ему кусочка счастья не хватило, да как завершит: «Дижюуурный! Масле-о!» Мы от изумления жевать перестали. Выходит, есть и у этого иностранца рашен прогресс.

Напротив меня за нашим столом украинец сидит. И до того он здоровый и толстый — просто смотреть тошно. Это у него по приезду в часть старшина сало оттаял, хохол же это слово пишет с большой буквы, зато Родина — с маленькой. Украинiec вечно плакался, что ни хрена не наедается, тильки перекусив. Ну, мы и стали голодану в конце хавки окуски хлеба подсовывать: жри, значит, парашник... Боров, конечно, злился и начинал всех на три буквы посылать, только ему уже со всех сторон окуски тащили...

Потом у нас развод (кто куда или биржа труда) и, если на внеплановые работы не угонят, начинаются учебные занятия. К разводу обычно и взводный материализуется. Он — Али-баба, а мы — сорок разбойников. Хотя на деле нас всего тридцать три, как богатырей у дядьки Черномора. Подойдет, значит, старлей к строю, посмотрит на нас кисло и коронное выражение цинкует: «Что, куча бездельников, поработаем?»

Мы возмущаемся: какие ж мы бездельники? Он ржет: а кто же? Пьете-едите за-дарма, одели-обули вас на халяву, койку и тумбочку в казарме опять нашармачка выделили, отдачи же армии пока ровно ноль целых и хрен десятых.

По сути, пока оно так. Мы ведь здесь только учимся, но на то она и учебка, или школа младших авиаспециалистов, а проще — ясли для взрослых. Вот окончим ее, по боевым частям распределимся — там, говорят, и будет настоящая служба. А пока уроки, как в школе, однако на полную катушку — с утра до вечера, а это, сам понимаешь, далеко не кайф. На первых порах мы пытались по-школьному и развлекаться: кто галку пускал, кто чертиков рисовал, кто в морской бой играл. Болт по всей морде, Лохматый, такие номера здесь на корню пресекаются. И жестоко. Закон суровый: не умеешь — научим, не хочешь — заставим. Тупой ты или острый, а общевоинские уставы — камасутру или записки сумасшедшего — зубрим хлеще, чем, наверное, при царе Закон Божий. Что на занятиях не запомнил, наверстываешь за свой счет. Ну, сам понимаешь, — вместо сна. Жуткий кайф...

Натуральная приколюха на занятиях изредка тоже бывает. Примерно сказать, когда чучмека, что в русском тупорыл, к доске вызывают. Во-первых, он и в классе новорит честь отдать, а шапки-то на среднеазиатской тылке нет. Взводный бесится: «К пустой голове руку не прикладывают!» А во-вторых, однажды брат Варшдога на политподготовке включил тупильник и давай свой кишлак на карте Америки высматривать. Вообще и он, и все его земляки учебу ненавидят: по ним, лучше весь день камни тягать.

До недавнего времени этот чурек, что по-нашему не петрит, одни пары по всему получал, и тогда ротный заставил взводного по вечерам с двоечником заниматься. Еще и в воскресенье отдельно. Офицерье по этому поводу даже перегрызлось, старлей в канцелярии так горло драл, что в распоряге отзывалось: у него, мол, тоже конституционное право на выходной имеется. Однако, несмотря на весь этот ор, майор старлея, монопенисно, нагнул, потому как самому крестный отец раз огромную дыню в зад воткнул за узбековы ответы-молчания. И особенно за чучмекскую строевую подготовку: ну чисто Буратино с невидимым ломом в зад марширует.

Заглянешь другой раз вечером в ленкомнату — сидит наш взводный и этот, который: «Масле-о!» Узбека аж жалко: пыхтит над конспектом, употел, будто десять пилал чая заглотил, но сигарету в курилке уже хорошо клянчить научился: «Давай, пожалуйста, заку-урим!» И ведь не откажешь...

Вообще курилка — одно из самых лучших мест в армии. Остров свободы. Мы всегда там после обеда по полчаса балдеем — и не холодно вроде, хотя зима. С зем-

ляком об доме перетретишь, сержанта-гада обматеришь. И об дембеле далеком взгрустнешь — чуть не до слезы. Чурбаны и черные, хохлы и бульбаши, мамалыжники и лабусы все по земляческому принципу кучкуются и всяк по-своему лопочет. Наверное, тоже дом вспоминают.

Как раз в курилке и проявляется нутро каждого. Есть ребята — бычком поделятся, а есть, у кого и знаешь, только начатая пачка в кармане, но внагляк клацает на пидора: «Последнюю скуриваю!» Крыса! Жлобьяра!

Главное, значит, только на лавочке размякнешь, глаза закроешь, мыслями дома уже — звонок проклятуший. Опять на забодавшие занятия тащиться... Уж после обеда на них хуже вдвойне. В сон клонишься, словно после ночной смены. Тоскливо, Лохматый, но — сам понимаешь — тихого часа в армии не предвидится. Эх, если б мне почастливилось, думаю, трое суток без роздыху фазу топил бы и даже хавать не ходил.

Один из нашего взвода клевал носом на занятия да и, в натуре, задохнул. Скалился во сне — наверное, какая-то бабеч виделась, как он ей под юбку лезет. И тут сосед сзади, взял, да и вышиб стул из-под дрыхнувшего, тот на пол ка-ак гокнется! Вскочил, стул оседлал — кругом ржачка. А над кем ржут, никак в ситуацию не въедет, ну и давай с деловой харей чего-то в тетради строчить. Самый кайф, что старлей в этот момент ничего и не диктовал.

В общем, житуха в армии — бочка дегтя и ложка меда. Сержант Шифоньер — об его лоб можно щенков убивать, до того ужасен — раз под настроение текстанул, как и ему, хлеще нас, порой перепадает.

Был Шифоньер не так давно начальником внутреннего караула и среди ночи, вместо уставов, детектив завлекательный читал. Вдруг в караулку — а она у нас на втором этаже, над оружейным складом,— звонят. Сержанту, понятно, влом задницу здоровенную от сиделки отрывать, он и командует одному из бодрой смены: «Уточни, что за шухер». А по времени — действительно непонятка, кого в такой час принесло: и дежурный по части шмон уже наводил, и ротный — ошибка природы — побывал, все до всякой фигни доклепывался, и с политотдела пропагандон с умяком на роже обозначился...

Позырил караульный в окошко и докладывает: «Там командир части стоит». Эх, Шифоньер и вызверился: «Ну, ты, пень обоссанный, член опавший и гондон штопаный, шутковать вздумал? Все, обезьяна бесхвостая, олень безрогий, козерог вонючий, после наряда заживо на очке сгниешь! Дотумкаться такое слепить! Команч вообще в городе отсутствует, он в округе, в командировке!»

И нет, чтоб самому быстренько прояснить, кого леший не в очередь пригнал, так он, наоборот, слабину дал и неспехом по лестнице сплавился. Засов отодвигает, а там... В натуре, командир части. Ночью из командировки вернулся и, даже домой не заезжая, сразу по караулам вдарил. Свихнулся совсем на службе.

Команч у нас навыворот старшине: не пузанистый, но телеграфный. Не в нюх ему жданки пришлись, вот и решил сержанта маленько к спорту приобщить, умираловку ему забацал. Раз двадцать заставлял со второго на первый этаж сбегать: а не заедайся! Становится замок возле окна, чтобы полкан его зрел, потом он отмашку дает — стартуй! Сам же засекает, за сколько секунд тот дистанцию лестничную покроет. С Шифоньера уже пена, как с коня загнанного, но это кайф. Нечего, сам понимаешь, как фон-барон расслаживаться.

Вообще лично я бы в сержанты никогда не пошел. Потому они — промеж двух огней существуют: офицеры-шакалы и мы, пушечное мясо. Раз же согласился на эту гомосечную долю — получай от начальства в глаза, а от солдат — за глаза. Еще и подлянку какую при случае подкинут. Вурдалаку, например, ночью в оба говнодава навалякали. Сержанты потом целое расследование на эту тему учинили, только бес-

полезняк. Единственно, дежурному с дневальными — д'Артаньяну и трем мушкетерам — следующей ночью крутую правилку забацали, за недогляделку. Ну и как бы они это скотство уловили? В роте сто семьдесят рыл, а койка у Вурдалака в самом конце казармы. Да и вообще, по мне, чистые погоны — чистая совесть, нацепил же на них сопли — так и ходи обхезанным. Особенно же запахло служить комодом — командиром отделения. Про таких лычконосцев даже поговорка имеется: «Ефрейтор в авиации — что хрен в канализации». Зато нам, рядовому составу, — кайфово.

Разумеется, взводный — не сержант и в казарме не спит, но тоже часто до отбоя толчется. То тумбочки и заправку коек проверяет, то в автоматы нюхальник свой макаронистый сует, то противогазы обглядывает: вдруг где коробки краешек проржавел. А шутки у старлея вообще гадостные, садистские.

Есть у нас во взводе грузин — мелкий, юркий, как сперматозоид. И ведь не Швили или Гоги его прозвали, а Мылом, потому он куда угодно без мыла... Ну, сам понимаешь. Рот у него сроду не закрывается, и на каждом занятии взводный ему по десять замечаний делает и уж до скольких нарядов понаобъявлял. Следующий урок начался только — а Мыло уже хлебoreзку разинул, чего-то у соседа проясняет.

Старлей сначала рассвирепел, а потом вдруг, непонятно с чего, раздобрился:

— Да ты в состоянии хоть на час тишину поймать? Ей-богу, и в субботу, и в воскресенье в увольнение пойдешь. Но хоть один звук вякнешь за занятие — два наряда вне очереди.

Мыло молча шлемофоном кивает и уже руки потирать начал. Вдруг в дверях опоздавший Кашей Смертный объявился. Недовесок до того тощ и страшен и скальп спереди наполовину лысый — это в восемнадцать-то лет! — вот и заполучил сказочное погонялово. Явно в чипке жрал, но калич прошаренный: бьет кулаком в хилую грудь и втирает, что пропоносило.

Взводный его усадил рядом с Мылом и смехом-смехом, а на полном серьезе:

— Сумеешь соседа растребушить, чтобы он за урок чего ни то сказал — не только за опоздание прощу, а еще и в двойной увал отпущу. И в субботу, и в воскресенье. А не сумеешь — извини, два наряда вне очереди.

— А что можно делать и чего нельзя? — интересуется Кашей.

— Все что угодно — в пределах разумности, — уточняет взводный.

Мыло надулся, как Ленин на буржуазию, взглядом старлея испепелить готов, но — молчит.

Конечно, то не занятие было — сплошной прикол. Мы все назад то и дело оглядывались, где Кашей по-всякому Мыло шпынял. Но тот геройски держался. Пока минут за пять до звонка Кашей, отчаявшись, не вытащил из шапки иголку... Да ка-ак засадит ее болтуну, на молчальника экзамен сдающему, в зад! Мыло ка-ак взвоеет!

У взводного рот до ушей.

— Уговор, — торжествует, — дороже денег. Два наряда вне очереди — и оба на озерах, ну а Кашею — два отгула.

— Товарищ старший лейтенант, так нечестно! — разоряется Мыло.

— Честность в армии? — надсмехается взводный. — Отродясь не встречал.

И точно: загнал Мыло очки драить. Такие-то они, Лохматый, армейские фишки. Кому в кайф, а кому и, сам понимаешь...

Про то же, чего мы здесь конкретно учим, писать вовсе неинтересно. Бензины там, масла смазочные, их свойства, куда и зачем льют. Конечно, уставы и политподготовку. Она — это замполитов хлеб. Капитан вечно какую-нибудь мудистику понапридумает, типа дурацкой викторины «У карты Родины». Либо чего еще в том же разыдиотском духе. И все талдычит: «Вы — защитники Родины... Ваш долг — боеготовность...» Знаем, слышали, наизусть затвердили. Я не дурак, давно врубился, что

это за долг: выбрось из жизни два года и отдай армии родной. Деталь: хреново или охрененно ты этот долг отдавать будешь — по барабасу. Все одно: на второй год служить оставят. Какой уж тут кайф — разве что треклятый...

Да, телек тут тоже под замполитским контролем. Смотрим сплошь новости, а чего путного — разгонись и жестко тормозни. Дуристика: ящик уж с неделю как наполовину наворачнулся: звука нет, но все одно: пялимся на немое кино. От такого информирования вокруг храп стоит — аж искажения по экрану.

Но — слава Богу, есть и у солдата полтора часа личного, свободного времени. По вечерам. Конечно, надо загодя и вездеходы начистить, и подшиву-селедку забачать свежую. Тут тоже не без хитроумностей. Скажем, Питон подворотничок толстенный уважает, трехпальцевый. А Шифоньер, ему в пику, откуда-то кембрик добывает. Я о таком слове и не подозревал, а оказывается, это батист тончайший, внутрь которого сержант виниловую оболочку от электропровода вхреначивает: выеживается. Ну, нам такие понты по сроку службы колотить не положено.

Зато положено круглосуточно втухать — выполнять любые прихоти дедушек.

К примеру, тот же Вурдалак обожает у тебя из-за спины рывкать: «Вспышка с тыла!» И ты обязан мгновенно шмякнуться на любую поверхность, и чтоб ласты беспрерывно вместе, иначе потом умираловка обеспечена. А если ты в эту секунду перед какими-то дверьми — значит, лети щучкой в проем, как в импортном боевике изображают. Один у нас вот так из долины семи озер наружу сиганул и кисть поломал. Но — нет худа без добра: раненого на отлежку в райские каникулы увезли.

Утюг не такой кровожадный. У него любимые приколюхи — «Спать!» или еще «Разойдись!» Они тоже для одиночек. Услышишь в любом положении первую и сразу на ходу изображаешь мертвецкий сон: хоть с прыжка. А на вторую действуешь так: все четыре ласты раскидываешь как можно шире и на лице рождаешь панический страх. Вроде в разные стороны разошелся.

Вообще таких неуставных издевательских команд, от которых дедушки фанатеют, целая куча. «Один»*, «Пожар»** , «Дембель в опасности»*** , «Вождение»**** , «Письмо»***** ... Всего штук двадцать, не меньше...

Но самая гадская из них — это обожаемая дедом-художником при клубе, с кликухой Худо, групповая: «Метр двадцать, дым шестнадцать!» Подается, когда он на парашу намыливается — чуть не по полчаса там засекает, пидрила. Все, кто это слышал, сломя голову кидаются рожать цебарку для дембеля и кусок туалетной бумаги, чтоб не меньше метра и двадцати сэмэ. Успеть надо за шестнадцать секунд. Исхитрились это выполнить сразу несколько салаг — сигарета изымается лишь одна. Бумага же хоть вся оптом. Не принесли чего-то в срок, промяли сиськи, всевиновным крутая правилка. Не хрена, значит, вола трахать!

* По команде «Один!» к деду как можно быстрее подбегает один из молодых солдат. Если подскочат двое-трое или не среагирует никто, то все, слышавшие команду, будут наказаны. Отработан вариант старта ближайшего солдата.

** По команде «Пожар!» молодой солдат должен бегом принести воду дедушке в любой таре. Пока тот пьет, дух беспрерывно шипит, изображая тушение пожара, а после утоления жажды рапортует: «Пожар потушен, дедушка спасен!»

*** По команде «Дембель в опасности!» салага «предотвращает беду», изображая собой подпорку «обрушивающейся» стены либо «падающего» потолка. При этом он обязан изо всех сил по-настоящему напрягаться до команды: «Опасность миновала!»

**** «Вождение»: отобранным молодым солдатам назначается, каждому свое, транспортное средство и указывается отдельный маршрут. Затем все ползут, издавая соответствующие звуки. Маршрут обычно выбирается наиболее труднопроходимый: под кроватями, через туалет и т.п. Не уложился в контрольное время — пеняй на себя.

***** «Письмо»: до вручения его духу дед аккуратно надрывает уголок конверта, надувает его, как воздушный шарик, и мощно хлопает на затылке адресата. Считается, если хлопок удался громкий, то дедушка любит и ждет, а если слабый — уже изменила.

Зато когда втихую усядешься в углу казармы на табуретку, развялишься, глаза закроешь и ни о чем — вообще ни о чем! — не думаешь, очаровываешься, вот то есть истинный и ни с чем не сравнимый кайф! И тебе, Лохматый, этого ни за что не понять. Солдатское счастье: день прошел! И пролетарский болт с ним!

Дни-то, понятно, разные бывают. Самые дерьмовые — еще хуже, чем долину семи озер драить, — в наряде по кухне, на посудомойке. Человеком-амфибией в команде Кусто. В хлебрезочной-то, наоборот, сплошной кайф: посыпухи и помазухи (сахара и масла) обтрескаешься, только туда абы кого не назначают. Прошлый раз я на кухонном дежурстве полторы тысячи тарелок за сутки перемыл — «дисков прослушал». Посудомойку так и окрестили прикольно: дискотека.

В общем же существовать в армии можно, тем более что каждые сутки приближают дембель, неизбежный, как крах империализма. Но пока империализм существует, дембель в опасности! Однако я твердо верю:

*Наступит день — ведь он придет когда-то,
И будут нам светить издалека
Не звезды на погонах у комбата,
А звезды на бутылках коньяка!*

С горячим солдатским приветом, твой друг Экселенц.

